

№18

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Редакция просит своих читателей высказаться о желательных приложениях, премиях и конкурсах на 1928 год.

Ред. „Вокруг Света“

— КТО ВЫИГРАЛ? —

СРОЧНО ТРЕБУЙТЕ ПРЕМИИ

ПО ПЕРВОМУ РОЗЫГРЫШУ ЖУРНАЛА
„ВОКРУГ СВЕТА“

Сверьте ваши билеты с таблицей выигрышей и немедленно перешлите их в редакцию, с требованием высылки премий.

!! ТОРОПИТЕСЬ !!

Незостребованы премии по ПЕРВОМУ розыгрышу журнала „ВОКРУГ СВЕТА“:

РАДИО-АППАРАТ	— № билета 829
САМОПИШУЩЕЕ ПЕРО	— № » 3587
Б У Ц Ы	— №№ » 637, 1714
ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ	— № » 6098
РЫБОЛОВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (по желанию могут быть высланы фуфайки)	— №№ » 652, 1780, 1980
ПЕРОЧИННЫЕ НОЖИ	— №№ » 5344, 5249, 3813, 5245, 3349, 2370, 5118, 3865, 5124, 298, 4766, 994, 2107

♦ ♦ ПОЛУЧАЙТЕ ПРЕМИИ ♦ ♦

Срок получения премий по 1-му розыгрышу продлен до 15 октября 1927 г.
По истечении этого срока премии поступят в третий розыгрыш.

Журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ дает массу ценных премий по розыгрышам

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лер. Фонтанна, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“,
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 18

1927 г.
СЕНТЯБРЬ
30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Тан. „Старые и новые“ (ч. III. Молодые партизаны). — Р. Хортон. „Дорт“. — П. Тучков. „Судьба“. — Эд. Джесон. „Семь нефритовых карпов“. — Е. Кайзер. „Драма в ущелье“. — Проф. В. Тимонов. „О все“. — С. Бартенев. „Пулеметы“. — Лесник. „Бабы лето“. — Новые задачи Сэма Ллойда и т. д.

КОГДА БУДУТ ЛЕТАТЬ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ?

Известный американский летчик, Р. Бирд, который первый перелетел через Северный полюс, опередив Амундсена, высказал недавно свои соображения о времени, когда могут установиться правильные воздушные путешествия через Атлантический океан.

Несмотря на удачные перелеты Ч. Линдберга и К. Чемберлина, — говорит наш автор, — регулярные пассажирские рейсы могут создаться только лет через двадцать. Современные же океанские перелеты остаются еще рискованной игрой и останутся таковой до тех пор, пока не будут добыты точные и исчерпывающие сведения об условиях морской погоды. До сих пор метеорологические сведения собирались, главным образом, на суше, где и удается зачастую предугадывать состояние погоды. Но морская поверхность до сих пор вне точных метеорологических наблюдений, отсутствие которых заранее делает невозможным именно правильные воздушные путешествия.

Вдоль намеченных воздушных линий должны быть установлены на океане особые причальные станции, пловучие ангары, которые будут стоять на якорях и принимать

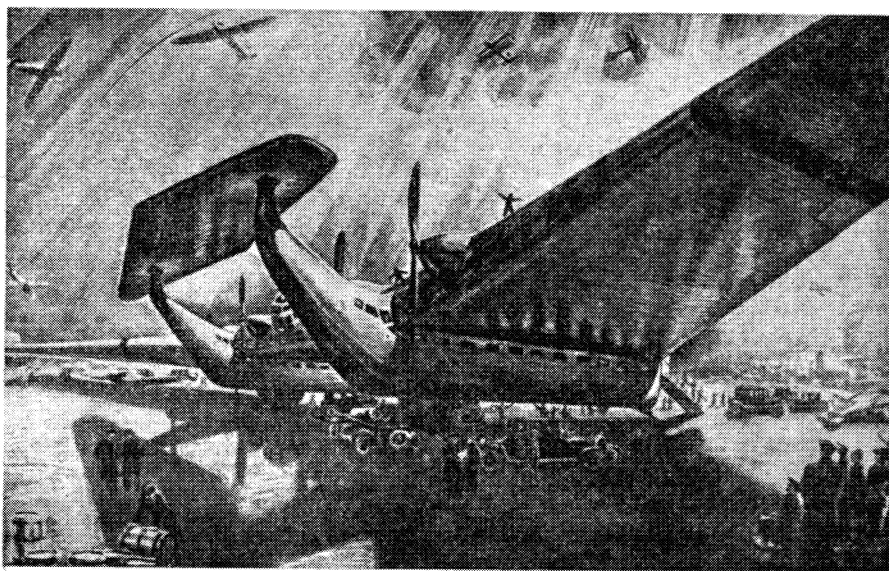
на свои площадки воздушные машины. Такие искусственно созданные островки должны быть снабжены каютами для отдыха, провиантом, запасами горючего и радио-станцией.

В целях все той же безопасности по линии воздушных рейсов должны курсировать особые спасательные суда на

случай аварии воздушных машин. Последние должны, поэтому, иметь форму гидропланов, чтобы временно плавать по поверхности океана в ожидании помощи.

Необходимо изменить и самую конструкцию машин, чтобы всю долгую воздушную поездку мог выдержать средний пассажир. Здесь нужно помнить, что даже после короткого перелета из Лондона в Париж или обратно, пассажиры зачастую выходят с зелеными лицами и облепленными желудками, страдая от воздушной качки не менее, чем от морской. И тот же средний

пассажир не выдержал бы и оглушающего рева двигателей, который раздражает даже испытанного пилота. Словом, необходимы сильные глушители, чтобы избавить от резких звуков непривычных к ним пассажиров, которых придется еще за время пути питать и согревать.

ГИГАНТСКИЙ АЭРОПЛАН БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО. Новая транс-океанская модель германского изобретателя, проф. Юнкера, рассчитанная на перевозку 100 пассажиров.

Л. БЛЕРИО О ВОЗДУШНЫХ СООБЩЕНИЯХ

В 1909 году Луи Блерио первый перелетел через канал из Франции в Англию и с той поры остается не только замечательным пилотом, но и видным конструктором летательных машин, монопланов. В сентябре месяце появилась в заграничной печати его статья, связанная как с личными воспоминаниями о прошлой работе, так и с его взглядами на ближайшее будущее авиации.

«Уже более четверти века — говорит он — я посвятил почти исключительно изучению авиации, начав с сооружения в 1901 г. моей первой машины. Я и сам не знаю, что толкнуло меня на этот жизненный путь, но и до сих пор я чувствую глубокое удовлетворение, видя полный триумф аппаратов тяжелее воздуха. А сколько насмешек и издевательств сыпалось на меня в свое время, когда я упорно защищал перед своими современниками излюбленный мною тип монопланов, несмотря на множество неудач и падений. Современная же машина, на которой перелетели американские летчики через Атлантический океан, настолько сходна в главных чертах с моей конструкцией, что я чувствую вполне оправданным весь свой конструкторский труд».

В 1909 году Л. Блерио удается, наконец, достигнуть удовлетворяющего его типа машины, на которой он и совершает свой знаменитый перелет через канал Колкосты и насмешки сменяются их противоположностью — похвалой и восхищением. Смелого летчика приветствовали в Англии и Франции с тем же бурным восторгом, с каким в наши дни встречали Линдберга во Франции и Америке. Малые веры умолкли, появились ученики и ревностные приверженцы.

В дальнейшем Блерио устраивает показательные полеты в Берлине, Вене, Будапеште, Кельне и, наконец, в Константинополе. «Полет в этом последнем городе — говорит автор — оказался наиболее опасным во всей моей жизни. Была отчаянная погода, но собралось до сотни тысяч зрителей, чтобы посмотреть, как мой двадцатисильный двигатель справится с бешеным ветром и облаками пыли. Когда же пришло время полета, я не захотел отказаться от задуманного. Оторвавшись от земли я был схвачен ветром, как соломинка, и разом поднят на высоту 50 метров. А затем, после нескольких

минут невольных акробатических упражнений, я был заброшен на крышу одного из трехэтажных загородных домов, откуда вместе с аппаратом уже в бессознательном состоянии свалился на землю.

Все время я упорно отстаивал идею моноплана, как лучшего типа летательной машины. Не отказываясь от спортивной стороны авиации, я построил мастерскую для дальнейшего усовершенствования своей конструкции. Один из моих пилотов, Пегу первый сделал т. наз. воздушную петлю, равно как положил начало и другим воздушным трюкам, которые считались раньше смертельными.

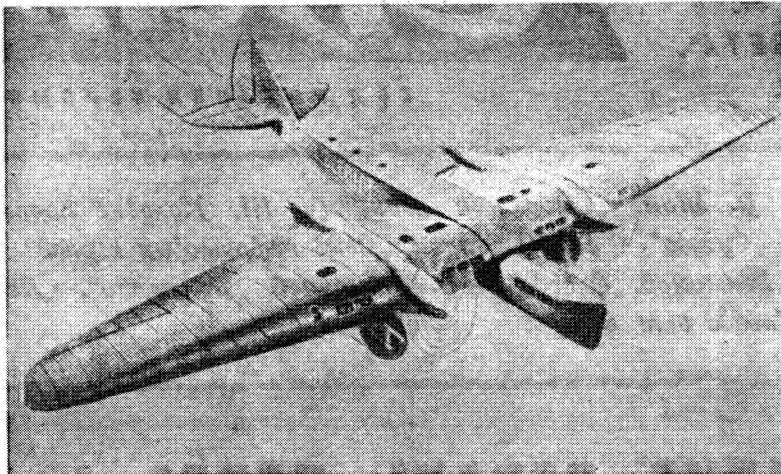
Мировая война положила конец нашим опытам и изысканиям. Вся наша энергия ушла на возможно быстрое увеличение воздушных сил. Война закончилась, а вместе с ней закрылась и часть аэроплановых мастерских. Однако, наши технические работы не уменьшались а одна из моих моделей до сих пор держит мировой рекорд высоты, 12, 442 метра.

Причины, заставляющие меня предпочитать моноплан биплану, заключаются в том, что первым легче управлять и при сильном ветре его толстые крылья более устойчивы и менее подвержены разнообразным влияниям погоды. Я с удовольствием отмечаю, что современный моноплан немногим отличается от моей первой машины: двигатель, напр., устанавливается спереди, равно как и пропеллер, управление же расположено сзади.

Что же касается будущего, то я глубоко верю в близкое превосходство воздушного флота над морским. Воздушные корабли будут в 10 раз быстрее морских и,

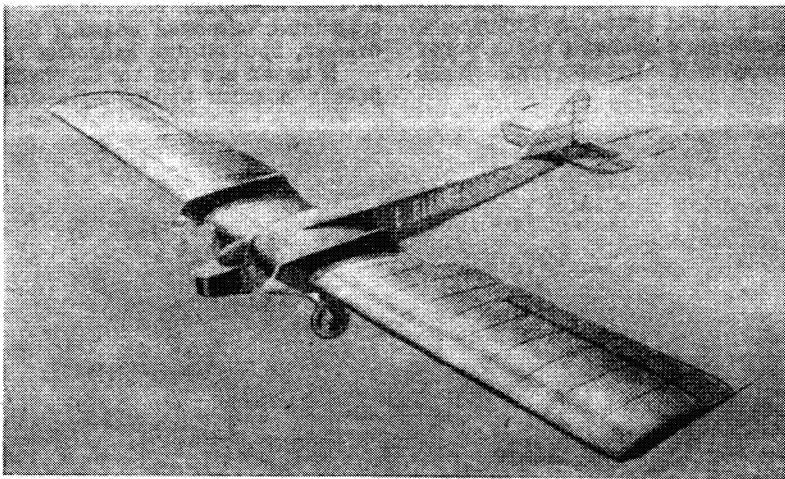
не ограничиваясь пустынной поверхностью океанов, будут носиться над густо населенными местами. Не связанные с ограниченным числом удобных для них гаваней, они могут парить над бесчисленными городами внутри страны. Как много достигла Англия, имея мощный флот на море. Легко представить себе преимущества той страны, которая завоеует превосходство в воздухе.

В данный же момент я нахожу своевременным поставить на коммерческое основание воздушные рейсы через Атлантический океан. Все препятствия здесь устранимы в течение нескольких лет.

Трансатлантический воздушный корабль.

Модель пассажирского моноплана, снабженного четырьмя двигателями, развивающими 2,800 л. с. Пассажиры будут находиться в крыльях, равно как в фюзеляже. Эта модель изготавливается ныне Л. Блерио в его мастерских (Франция).

Быстрота и комфорт.

Другая модель Л. Блерио для атлантических рейсов, снабженная четырьмя двигателями в 900 л. с. Утверждают, что этот тип машины способен весь путь из Парижа в Нью-Йорк покрыть в 30 часов. Четыре двигателя независимы один от другого и, случае необходимости, смогут быть исправлены в пути. Центральную часть машины образует сменный спасательный бот.

Рис. худ. И. Королева.

Содержание первой и второй части.

Часть третья.

МОЛОДЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

ГЛАВА V.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в займке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дук а — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилову возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дук в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дук заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митинг», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спрашивая и своего нового начальства.

Ребров приходит в неистовую ярость при виде такого самовольства, но его смягчили приветственные клики и всенародное подношение бокала с вином.

Вместе со всеми колымчанами вышла на пир и бабушка Натаха, где и умирает на руках своего внука.

Ребров не трогает пока купцов и ограничивается одним только наблюдением за ними, чтобы не вывезли товаров и не продали их якутам. Но как только встала река, на купцов вновь был сделан набег, еще более широкий, чем раньше. Забрав товары, двинулись за оленьей к чукам.

Неприветливо встретили гостей чуки, но увидев подарки и хлебнув «жидкой» быстро изменили свое отношение. Подружились и малые и большие.

Все товары обменены были на 60 оленей, которых и закололи для отправки на Колыму.

Так прочно укрепилась «макаризация» на Колыме, пока на северный край не стали наступать белые враги.

Под предводительством нашего старого знакомого, Викентия Авилова, ныне белого полковника, двинулся на покорение Колымы небольшой отряд с пулеметом. По пути его встречает выстрелами Микша Берестяный, который и платится за это своей жизнью.

Набежали другие лыжники и с любопытством обступили убитого.

— Что смотреть?! — жестко сказал Авилов. — Убили, так убили.

И он слегка потрогал носком тело убитого.

— Зарыть? — спросил Карпатый.

— Не время, — сказал Авилов. — Идем на Евсеево.

Так оставили белые первое тело убитого ими колымского воина, без погребения, без четья-петья могильного, на пожор горностаям и лисицам.

Евсеево было за островом, в протоке, верстах в четырех. Жители слышали выстрелы. Поднялась суeta и разгром. Женщины в безумном страхе хватали детей и убегали в лес, в чащу, рискуя замерзнуть без крова. Мужчины грузили на собак жалкую рухлядь, запасы, и уезжали вниз по той же наезженной дороге.

Белые видели их на реке, но не стали преследовать. Им не терпелось добраться до домов, до русского уюта. Но на жилом угорье, над рекой, было тихо. Копылись облезлые собаки, которых за старостью никто не запрещал. И из каждого дома вышло навстречу по паре, старик и старуха. Они не хотели уехать и бросить: — «житье-бытье, имение». И думалось так, что белые — беглые, старых не тронут.

Передний старик был Ивака Берестяный. Белые только что убили на реке его старшего внука. Черкес подошел и ударил его прикладом по шее, однако, не больно, скорее для примера.

— Квартиру, еду! — крикнул он грозно.

Он был интендант, квартирмейстер, даже финансист отряда карателей. Он реквизирует, грозился, при случае даже расстреливал. Впрочем, это последнее дело не требует умения, а только охоты.

— Все подавайте! — крикнул еще раз интендант.

Старик только рукою повел: — Все, дескать, ваше.

В эту ночь белые каратели, наконец, поели и вздохнули по-человечески. В двух Евсеевских жильях было четыре избы, две зимних, две летних, но прекрасный колымский чувал, деревянный, помазанный глиной камин, был во всех четырех. Затопили веселый огонь, обогрелись и разделись, сварили похлебку из рыбы с мучною и масляной забелкой. И те же старухи стали таскать из амбаров своеземную еду, соленные пупки от омуля и нельмы, мороженую печень налима, копченые гусиные полотки.

Масаков, как якут, имел недалеко у родичей по травяным озерам коров. Оттого чай пили с морожеными пенками, снятыми с густого варенца. Офицерам даже поднесли деревянное блюдо керчаку, густо взбитых сливок, вместе с растертыми ягодами божественной кня-

женики. Это, действительно, было княжеское блюдо, подходившее к почетному званию карательных вождей. Хозяева в заимках были позапасливее городской гольтепы. На далекой Колыме были такие же город и деревня, как и в Московской губернии. Город реквизировал, и грабил, и пухнул от голоду. Ограбляемая деревня ела в три горла и пухла от сытости.

Спирт лился щедрой струей. Это было первое завоевание белых на реке Колыме. Угостили стариков и старух и каких-то детей, которые выползли к вечеру из тайных прикритий. Но женщины не возвращались. Офицеры заставляли плясать подгулявших старух и одна покорилась и пошла выделывать русскую. Впрочем, скорее это была пляска смерти, чем русская.

ГЛАВА IX.

После возвращения максолов с лебединой охоты, Митькино царство небесное держалось в Колымске еще два месяца. Но при первых, более прямых известиях о приближении врагов, в городе вышла сперва паника, а потом даже бунт. Белые-беглые с ружьями, с бомбами, с военным начальством, наводили смертельную оторопь на самых удалых. Прибежали ламуты, те самые, из плена, и сказали: «идут». Начальник идет впереди, высокий, как лесина. Голос такой, что люди от него глохнут, а звери от него дохнут. И с ним какая-то девка или баба, баская¹, с рыжей косой, как будто зоря-зореница.

И пустила через комнату в голову Карпатову.

Однако, Карпатый, выпивший с офицерами, пришел от этой пляски в неистовый восторг и с размаху стукнул кулаком по столу. Старуха подскочила, изругалась нехорошим словом, потом с болезненным визгом схватила топор с лавки и пустила через комнату в голову Карпатову. Попастъ не попала, однако, топор вонзился в еловую притолоку и остался торчать.

Чуть не зарубили офицеры визжавшую старуху. Но вступился Авилов и сказал, что это болезнь, меряк, и что колымских старух безнаказанно трогать нельзя.

Мерячки вообще способны на капризы. То отвечают на окрик покорным исполнением приказа, даже самого нелепого и грязного, а то реагируют камнем, ножом, топором. И все это внезапно и безвольно.

Веселье оборвалось. Офицеры выпивали и дальше впали в чувствительность.

— Отделимся от России! — предложил мечтательно Дулебов. — Чорт ее возьми, объявим великое княжество. Как это у красных говорится, автономия, что ли? Разведем и себе такую антимонию. Для каждого по княжеству, Авилов в великих князьях, а мы себе в малых князьях по уделам. У каждого будет свой собственный удельный департамент.

Дулебов не был силен в истории и смешивал княжеские уделы с царским удельным ведомством и автономию с антимонией.

Митька тотчас же созвал полицейское вече и народу пришло больше, чем в первый раз, но все они были напитаны страхом, как губки.

Митька открыл совещание пламенной речью: — Идем защищать Колыму! — Но казаки и мещане потупились и сказали: «Не пойдем». Особенно уперлись казаки — военная косточка. Не пойдем ни за что. Ляжем под столами и под лавками. Пускай нас забивают хоть палками. Потом повернулись храбрецы и ушли из избы.

Остались: дружина максолов и другая дружина, поменьше, постарше, из друзей и поклонников Митьки, компания Паки с Голодного Конца, кучка якутов с Мишкой Слепцовым во главе. В общем, человек семьдесят, мужчин за полсотни, а женщин поменьше двух десятков. В сущности, с этими силами можно было защищать Колыму. Но о белых говорили, что идет их целая тысяча и что ведет их особый полковник-генерал, по имени Гаврила.

С другой стороны, казаки и мещане заняли угрожающее положение. Они собрались особо от Митькиной команды в сборной якутской избе и прежде всего послали выпустить заложников из караулки у Луковцева. В то время были уже заложники: Трепандин с Катериничем, неудачное правительство, отец протоиерей

¹) Красивая.

Краснов,—а красный священник Палладий Кунавин был оставлен на воле. И еще многообожженный Макарьев, которого даже и Митька-диктатор не мог избавить от постигшего испытания. Сюда же привезли бежавшего исправника из Быстрой. О нем вспомнил злопамятный Пака, который все время левел и среди колымских коммунистов занимал положение практического анархиста. Замечательное дело: исправнику вернули его мундир с полицейскими пуговицами и пристроили его в караулку под крыло к бабе-гренадерше и обоим ее мужикам. Отныне Луковцев, вместо казенного амбара, в котором было пусто, должен был сторожить свою подневольную команду.

Два старые казака, Дауров, не Арсений, а другой, Алексей, побогаче и постройнее, и Василий Домошонкин, тоже торговавший по малости, пришли к караулке, дали безвинному Луковцеву два раза по шее — каждый по разу, а пленников привели с торжеством в разборную избу.

Исправник, однако, не пошел. Он где-то достал тройку полумертвых собак, — вместе им было полвека от роду — и уехал тотчас же к Палаге, на Быструю заимку.

Но Макарьев обозлился совсем по-настоящему. Или, может быть, Митька его заразил пылом гражданской войны. Он стукнул кулаком по столу и произнес пламенную речь в Митькином стиле, но совсем наоборот:

— Каратели идут на этих хулюганов безбожников. Белые они или беглые, а все-таки не думайте — начальство. По высокому скажем — князья. Теперь будут в беглых — эта камзольская рвань.

— Товары, слышь, везут! — сказал он, торжествуя. — Большой караван, чаек, табачок. Покурим и поьем.

И он облизнулся, как некогда Овдя на митинге.

— Торговать будем, поживем, откроем дорогу до Охотска. Слава тебе, господи!

И он перекрестился широким крестом.

— Горожане, примааете беглых? — обратился он к сборищу.

— Примаем! — закричали казаки. — Пошлем епутатов навстречу. В епутаты избираем Архипа Назарьевича, от мещан — старосту Веселкина.

— Ступайте к князьям! — кричали старики. — И скажите князьям: «Земля наша богатая, большая, а порядка в ней нету. Придите, наведите порядок».

Это было новое призвание варяжских князей. Ведь Рюрик и его пресловутая братва были тоже из беглых, приблудных, вышибленных с родины, бродяг-неудачников.

И тогда Макарьев послал к Реброву посла Алеху-Выпивоху, казачка, как равный к равному: «Двум медведям в одной берлоге не ужитьяся, — сказал он ему. — Уйдите отседа добром, к чортовой матери».

Ребров оглядел компактную группу сторонников. С Макарьевым и стариками справиться было возможно, но тут подходили на подмогу другие враги, пострашнее.

— Мы уйдем! — сказал он медленно. — Но попомните слово мое — наплачетесь вы.

Алеха Выпивоха казачок был маленький, как Пака, постоянно ходил распоясской, был он холостой, дома, двора не имел. Такие постоянно держали сторону богатых.

— И еще заказывал Архип Назарьич, — пискнул он, — сдайте оружие.

Митька оскалился молча, как скалитися волк. Не то это усмешка, не то он сейчас укусит.

— Ну, половину, — по собственному почину, — убавил Алеха предложение сердитых стариков.

— На, видал! — ответил Ребров выразительным жестом. — Пошел вон, дурак! Скажи этому Архипу,

и другим дуракам, что мы еще вернемся. Торговать, слышно, хочет. Пускай же опробует у белых, почему стоит козш лиха. Лихом ему торговать, старому дуриле!...

На заимке Евсеевой белые сделали две блаженные дневки, приладили черную баню из старого амбара и мылись впервые за три месяца. Раскалили огромные камни, обливали их снежной водой, рождая лютый пар. И сами раскалялись, как камни, чуть не до-красна и выскакивали в лютый, кусающий снег. И тело их дымилось и потело на зимнем ветру.

Женщины вернулись из лесов. Они покорились неизбежному, отдали пришельцам последние запасы. Разговаривать было бесполезно. Голодные пришельцы выбивали силой то, чего не отдавали добровольно.

Хуже было то, что придется остаться на зиму с малыши детьми без пищи, без запаса.

Лучшего охотника убили. Берестяная бабка, та самая, что пустила топором в Карпатого, горькими слезами плакала об зарезанном внуке. Она привезла его с реки на нарте, сама, без собак, своей собственной старушечьей силой, обмыла его и вместе с Берестяным дедом вырубил яму на камне в вечной мерзлоте. Тело спустили без гроба, завалили большими камнями. Тело замерзло, как мороженная рыба, и толкаясь об камни, звенело. Лежи, почивай, не оттаивай до страшного суда!...

Надо было, однако, карателям уходить с ограбленной и съеденной заимки. Не то после рыбьих пупков и гусиных полотков пришлось бы, пожалуй, приняться за последнее мясо, которое осталось, за мясо обитателей. На утро решено было тронуться вниз к городу и дать бой красным. Об их силе евсеевцы рассказывали несуразные вещи. У них была сотня ружей, сто тысяч патронов. Смерти они не боялись, как хищные волки. Митька вдобавок был колдун и пули ловил на лету и складывал в кармашек на будущий случай.

Евсеевцы, разумеется, ввали. Но первая стычка на реке смутила карателей. Убитый мальчишка один не побоялся напасть на отряд. Что будут делать другие? Офицеры решили идти на Колыму осторожно и медленно, от заимки к заимке. Вяткино, Бугрово, Дебальцево, три заимки на пятьдесят верст. Везде были запасы, деревянные избы и женщины. Но к вечеру прибыли из Колымска трое депутатов с предложением о сдаче. Они не принесли с собой ключей. У Колымска не было стен и ворот, отмыкать было нечего. Белые, впрочем, доказали потом, что они не нуждаются ничуть ни в ключах, ни в отмычках.

Все-таки встреча вышла торжественная.

Трое депутатов вошли, как человеческая лестница. Высокий Макарьев, широкий Веселкин, а третьим прислали тщедушного и старого отца Алексея.

Авилов принял их сидя. Дулебов и Мухин сидели поодаль на лавках.

— Челом! — сказал Архип Назарьич, кланяясь.

— Ниже, — ответил Авилов своим густым басом.

Архип удивленно тряхнул склоненной кистью руки и опустил ее до самой земли.

— Ниже! — неумолимо повторил Авилов, пока Архип Макарьев не склонился своей косматой головой до самой земли.

— Вот это челом!..

— Вы что же, бунтовать? — сказал Авилов с угрозой. — Советские порядки наводить?

Он превратился давно в белого полковника, не за страх, а за совесть, но попрежнему его особенно раздражало стремление красных к порядку.

— Те, что бунтовали, ушли, — сказал рассудительно Макарьев. — Придите навести свой собственный порядок.

Глаза Авилова зажглись зловещим огнем: — Хорошо, наведем. Мы вам покажем порядок.

Отец Алексей подошел последним.

— Попов не люблю! — сказал откровенно Авиллов. — Почто, батька, людей не учил, чтоб жили полюдски, не по собачьему.

Отец Алексей покачал головой. Он очень одряхлел от последних событий и голова его тряслась.

— Как мне их учить, — сказал он смиренно, — мы сами мало учены.

— Ага! — вторично пообещал Авиллов. — Ничего, мы вас научим.

В церкви ожидали Авилова, вместе с офицерством. Но Авиллов церкви не любил. По части безбожия он был, пожалуй, почище камсола.

Он приехал на двор к Архипу Макарьеву, прошел в лучшую горницу, стукнул прикладом об пол и громко объявил: «Реквизирую этот дом и объявляю его своей штаб-квартирой».

Несчастный Макарьев, после местной Колымской макаризации, попал под настоящую, доподлинную реквизицию, прибывшую с юга. Он чувствовал себя скверно. Надежды на белых были, очевидно, нелепы.

Чувствовал себя Макарьев соответственно жуткой поговорке: «Кума, а кума, выбирай сама, на какой веревке тебя повесить, на мочальной, али на пеньковой».

— Старосту сюда! — потребовал Авиллов.

Ниже! — ответил Авиллов своим густым басом.

Слова его звучали угрозой, но он включал в них отчасти обещание. Он действительно думал устроить в колымской глуши особую базу для себя и для своих близких. Колымское княжество, отчего бы не так? Был же у чукок до самой войны особый король, поставленный русскою властью, с наследственным званием, на зло безначалию и буйству неукротимых чукок.

ГЛАВА X.

Белые вступили в Средний под звук колоколов, т.-е. под звуки единственного колокола, тикавшего жидким тенорком на своей дерезянной караулке: «Омуль, омуль, линь, линь!»...

Так колымчане толкуют колокольные звуки, вместо обычных российских «Четверть блина, пол блина, блин».

Одряхлевший отец Алексей служил благодарственный и приветственный молебен. На помощь отцу Алексею выступил было пышнобородый Палладий Кунавин, но торговцы, забыв о благолепии места, встретили его криками: «Воц, прочь!». Они не могли ему простить его летнего предательства и всей его последующей красной славы.

И пришлось отправляться к Авиллову тому же Макарьеву.

Авиллов встретил его с нескрываемой насмешкой.

— Здорово, знакомец! Давайте квартиры, еду. Да живо у меня. Слышишь!

После того Авиллов встал и величественно проследовал в голубую комнату, махнув рукой Дулебову.

— Вот что еще, — заговорил Дулебов, мягким и почти ласкающим тоном. — Зачинщиков выдайте, какие у вас есть виноватые.

И Макарьев рассудительно сказал, как недавно в Евсеевой: — «которые были — убежали, виновных унасет».

Архип Макарьев был все же колымский патриот и не хотел проливать крови в своем родном городе. Он ведь и Митьке сказал: «Уйдите добром». Мало народу на скудной Колыме. Долго ли всех перебить.

Но Дулебов мягко поправил старика: «Не может того быть. Везде есть виноватые».

Вопрос о квартирах решился легко. Полицию, правда, максолы запаковали так, что она не годилась, но белые заняли просто дома бежавших красных. Правда, это были люди бедные, бобыли, пролетарии.

Рассказ Рой Нортон.

Иллюстрации И. Колесникова.

Когда я снял на лето во Флориде маленький домик на берегу реки, то прежде всего обратился к хозяину с просьбой указать хорошего проводника для моих охотничьих прогулок.

— Да, я знаю одного человека, — задумчиво ответил хозяин. — Это лучший проводник по здешним местам и, может быть, он согласится для вас работать.

Что-то в тоне его голоса заставило меня спросить:

— А что, с ним что-нибудь неладно?

— Нет, ничего, кроме того, что он очень разборчив в людях и не станет работать с тем, кто плохо стреляет или не любит собак. Видите ли, у Янсея Томаса хватает средств на то, чтобы прокормить себя и он ни за что не пойдет туда, где его Дорт не встретит благожелательного приема.

— Кто это Дорт? Его жена?

— Больше того. Жены у него нет, а Дорт — собака.

Я откинулся на спинку кресла и расхохотался. Он обидчиво посмотрел на меня и заметил:

— Неужто же вы не знаете Дорта? Никогда о нем не слыхали?

Я сознался в своем неведении.

— В таком случае вы увидите нечто до сих пор небывалое. Дорт... Дорт так же смышлен как человек. По крайней мере, так считают все здешние жители.

В середине того же дня я нанял мула и поехал догвариваться с Янсей Томасом, а вернее, судя по словам хозяина, с его собакой. На одном из рукавов реки я увидел маленький поселок из нескольких лавок и домиков с зелеными ставнями и кучи бараклов. Я без труда отыскал жилище Янсея Томаса, очень скромное, но чистое и уютное. Сам владелец сидел на крыльчке и курил трубку, когда я отворил выкрашенную зеленой краской калитку и вступил на тропинку, ведущую между цветочными грядами к дому.

— Янсей Томас? — спросил я, дойдя до крыльчка.

— Да! — ответил он, поднимаясь с самодельного кресла-качалки и показывая при этом на редкость развитое мускулистое тело.

— Чем могу быть вам полезным?

В двух-трех словах я рассказал ему, что снял на лето коттедж и хотел бы найти подходящего мне спутника.

— Дорт отправился в город, — ответил он, вынимая из рта трубку. — Поэтому я затрудняюсь дать вам сейчас окончательный ответ. А любите ли вы собак?

— Больше, нежели большинство людей! — Говоря так, я отвечал ему сущую правду. Вся его сдержанность тотчас же исчезла, физиономия расплылась в дружескую сочувственную улыбку и я понял, что отныне я получил доступ в его жилище.

— Добро пожаловать! — и, вытряхнув пепел из трубки, он добавил: — У вас есть своя охотничья собака?

— Нет, но я слыхал насчет вашей...

— Для нашей охоты можно будет заполучить хорошего пса у моего приятеля. Предоставьте это мне. А вот и Дорт! — воскликнул он, исчезая из комнаты.

Подстрекаемый любопытством, я уставился на дверь: ценная чистокровная собака всегда и всюду привлекает мое внимание. Я приготовился детально оценить все природные достоинства Дорта. Он вошел вместе со своим хозяином. В изумлении я откинулся на спинку стула: никогда в жизни я еще не видал такой помеси — потомка нескольких дюжин различных пород, среди которых как-то затесались мастиф и бульдог, наградившие Дорта большой головой и широкой грудью. И стар же он был! Так стар, что ковылял, как дряхлый ревматик. Он обвел глазами всю комнату и, когда я попал в поле его зрения, остановился и пытливым взглядом уставился мне прямо в глаза, чего большинство собак не делает.

— Подойди и познакомься с нашим новым товарищем, Дорт! — сказал Янсей, словно обращаясь к другому человеческому существу. И собака спокойно приблизилась ко мне и, удивительное дело, без всякого помахивания хвостом и без других признаков собачьего расположения, сначала обнюхала мои ноги, потом, преспокойно усевшись передо мной, принялась оглядывать меня с головы до пят.

— Не обижайтесь на его манеру знакомиться, сэр! — сказал Янсей, как будто обеспокоенный тем, что я сочту оскорбительным для себя такое поведение Дорта. — Через минуту мы узнаем, полюбились вы ему или нет.

— Ну, в чем дело, дружище? — спросил я Дорта и протянул ему руку. Он обнюхал ее, снова оглядел меня и, — клянусь, что это правда, — взгляд его глаз заставил меня позабыть, что он всего только пес: умный, полный достоинства взгляд мудреца, требующего к себе уважения, и, в свою очередь, оказывающего уважение только тому, кого он считает достойным этого. Не мигая, он смотрел на меня некоторое время, пока я сидел с все еще протянутой рукой. Потом внезапно поднялся и положил мне на ладонь свою лапу.

— Видали, сэр! Да, сэр, вы ему понравились. Теперь я знаю, что вы порядочный человек, иначе Дорт не пожал бы вам руки. Он вообще не часто это делает. Вы удостоились большой чести, сэр!

Успокоенный тем, что я оказался приемлемым, я положил руку на массивную голову Дорта, но что-то подсказало мне, что погладить ее было бы недостойно. Я просто удержал так на момент мою руку, в знак дружбы и уважения. Собака, казалось, оценила это: она подошла ближе и издала долгий вздох удовлетворения.

Итак, установив хорошие отношения с Дортом, я принялся внимательно наблюдать за ним. «Должно же в нем быть что-то необычайное, — думалось мне, — что-то стоящее внимания... Если нет, то почему же все здешние жители всегда отзываются о нем, как о какой-то «сверх-собаке»? — Но после ряда дней я не обнаружил в нем ничего удивительного, кроме того, что он каждое утро являлся в мою комнату, чтобы присутствовать при моем бритье, провожал Янсея и меня, когда мы отправлялись на рыбную ловлю, и встречал нас вечером на берегу. В первый же день, когда мы взяли наши ружья, он попросился сопровождать нас, однако, Янсей предпочел обсудить с ним этот вопрос.

— Конечно, непорядочно с нашей стороны, итти без тебя, Дорт, — согласился Янсей. — Но последний раз, когда я тебя брал с собой, ты целую неделю провалялся в постели. Мы идем сегодня в сырое место, настоящее болото. Полагаю, что тебе будет нездорово итти туда, а потому оставайся.

На этом они и покончили, если не считать со стороны Дорта одного короткого «хау» — до свиданья. Но это не была жалоба, а только согласие с разумными доводами.

В тот же вечер, когда мы с Янсей сидели на крыльце и луна бросала серебряные блики на ленивые струйки реки, я неожиданно услышал от старого Янсея Томаса историю Дорта. Дорт спал растянувшись у наших ног.

— Этот пес был хорош в поле? — спросил я.

— Он-то! Лучше я никогда не видывал, только ни за что не соглашался работать с плохим охотником. Зато с метким стрелком был готов охотиться до тех пор, пока мы не поднимали его и не тащили домой полумертвого от усталости. Я мог бы всю ночь сидеть и рассказывать вам всякие истории из его жизни и не рассказать и половины всего. Многим из них вы бы и не поверили.

Он снова погрузился в раздумчивое молчание и только пыхтение его старой трубки показывало, что он не спит.

Мне захотелось услышать больше.

— А что же по вашему самое замечательное из всего, что он сделал?

— О, это относится ко временам нашего знакомства с ним, — сказал Янсей. — Пожалуй, это было самое замечательное.

Он наклонился вперед и поглядел на Дорта, потом медленно выпрямился, удобнее уселся в своем плетеном кресле и сказал:

— Он спит! Поэтому я могу рассказать вам, не задевая его чувств. Думаю, что он не любит, когда ему об этом напоминают.

* * *

Около двенадцати лет тому назад я владел маленьким участком на Индиан Ривер. Моя жена была хорошей женщиной, лучшей из когда-либо живших на свете, а теперь все, что мне осталось в жизни — это Дорт. Хм, видали? Стоит мне назвать его имя, как он уже наполовину проснулся. Я минутку покурю, чтобы дать ему снова заснуть. Ему пожалуй не понравится, что я распространяюсь на его счет... Ну, вот, он уж снова задремал и наверное охотится во сне. На чем, бишь, я остановился? Ах, да!

Так вот однажды утром я возился на берегу, оканчивая постройку маленькой пристани, как вдруг из-за изгиба реки показалась лодка, правивший ею парень посмотрел в мою сторону, перестал грести, словно над чем-то раздумывая, потом подвел лодку прямо ко мне и говорит:

— Доброе утро! Как далеко отсюда вниз по реке до Тэлэмаша?

— Тэлэмаш? Никогда не слышал о таком городе на этой реке.

— Ну, тогда как называется ближайший город и как далеко он отсюда? Я здесь человек чужой! — говорит он.

— Ближайший город — форт Лэндинг. Около шести миль по воде и в трех милях по дороге, — объяснил я ему.

Он, казалось, раздумывал над моими словами, а я стоял и разглядывал его и уже в тот момент я почувствовал, что в этом парне мне что-то не нравится. Он был похож на какое-то животное и к тому же мерзкое животное. Глаза его были чересчур жесткие и колющие и все время бежали по сторонам; меня поразило, что он все время точно прислушивался к чему-то. Внезапно он словно принял какое-то решение, сильными ударами весла вогнал лодку на берег и вылез из нее с причальной веревкой в руках. Я увидел, что это была превосходная лодка, красиво выкрашенная и благоустроенная, того сорта, который некоторые речные туристы устраивают на манер лагерьной палатки; впереди же на ней была построена маленькая нефтяная печь для стряпни.

— Я сыт по горло этой лагерьной жизнью! — говорит незнакомец. — Вот почему я и спрашивал вас насчет ближайшего города: хочу продать все мое снаряжение и вернуться к моим занятиям, мой отпуск уже на исходе. Может быть, вы хотите купить эту лодку?

Я ответил, что охотно это сделаю. Мне как раз нужна была такая лодка и я подумал, что она понравится моей жене. Поэтому, я осведомился о цене.

— Назовите ее сами! — говорит он. — Я продам за бесценок, но только за наличные.

Я сказал, что хотя лодка, конечно, стоит больше, но у меня найдется сейчас всего пятьдесят долларов.

— Она — ваша! — вот все, что он мне ответил. А когда я сказал, что мне хотелось бы сначала показать ее жене, он повел себя очень странно, словно ему было ужасно негодно.

Я поднялся к дому, чтобы принести деньги и позвать жену, а когда мы спустились к пристани, парень нетерпеливо расшагивал взад и вперед, как будто он раскаивался в своем поступке или же был чем-то взволнован. Моя жена захотела с женской обстоятельностью подробно осмотреть все устройство лодки. Женщины всегда уж таковы, когда они что-нибудь покупают, но даже она призналась, что вполне удовлетворена, и я принялся отсчитывать деньги. Только я было начал передавать их ему, как сзади, в лесу, послышался необычайный звук, напоминающий лай дога; однако, в нем была нотка, не похожая ни на лай, ни на вой или рычанье собаки, — такой странный, что я прервал отсчитывание и, с деньгами в руках, прислушался. Потом случайно взглянул на продававшего лодку человека. Если мне когда-либо пришлось увидеть в человеческих глазах смесь ужаса и злобы, так именно в тот миг. Повидимому, он был в сильном затруднении, а когда протянул за деньгами руку, она порядком тряслась и дрожала.

— Я очень тороплюсь! — сказал он, положил в карман уплаченные мною деньги, вскочил в лодку и схватил лежащую на дне большую дубину. Снова мы услышали тот же лающий шум и на этот раз в нем прозвучало возбуждение, как будто какая-то собака снюхала что-то по ветру и приближается к нам. Затем, пробираясь через

кустарник, шатаясь, как загнанная, изморенная голодом, с впадыми от истощения ребрами, показалась собака. Вот эта. Она издала новый лай, в котором смешались дикая ненависть, торжество, злоба и месть. Ощетинилась, прыгнула к земле и, обнажив клыки, ползком подвигалась вперед, шаг за шагом, к незнакомцу. На нас она не обратила никакого внимания.

— Эй, берегитесь! — крикнул я. — Может статься, что она бешеная.

Но потом я увидел, что она вовсе не бешеная, хотя вид у нее был ужасающий: голова была прострелена и только каким-то чудом уцелели глаза, один бок был тоже весь покрыт пятнами крови, словно кто-то выпустил в нее два заряда дробин.

Она прыгнула, намереваясь схватить этого человека за горло, он опустил дубину, но промахнулся. Собака ухватила за его поднятую руку и разорвала ему рукав. Он сыпал проклятиями и был напуган почти до потери чувств. Размахнувшись дубиной, он хотел разозлить собаке череп, но она избежала удара и вцепилась ему в ногу.

Я подскочил, чтобы разнять их и позвал собаку. И вот тут случилось нечто почти невероятное: собака остановилась, посмотрела на меня и отошла к моим ногам, все еще ворча на незнакомца. Потом, взглянув на меня, начала жалобно выть, словно просила о помощи или пыталась мне что-то рассказать. Человек снова замаяхнулся и крикнул: «Берегитесь! Я сейчас убью эту скотину. Дайте мне ружье, если оно у вас есть. Живо!»

— А это ваша собака? — возразил я.

Сначала он сказал: «Нет» и изрыгнул еще пару ругательств, а потом сказал: «Да, но я должен ее прикончить, иначе она загрызет меня».

Тогда собака, которая перестала лаять и только тихонько подвывала, повернулась, и, посмотрев мне прямо в глаза, вдруг поднялась и положила обе лапы мне на плечи, подняла морду и отчаянно завывала. Я прямо остолбенел от удивления и если бы не моя жена, незнакомец убил бы собаку. Он снова набросился на нее, обхватив обеими руками свою дубину, но жена поймала его за руки и закричала: «Нет, нет! Не смейте!»

Собака опустилась на землю и опять повернулась к своему врагу, словно говоря: «Ну, что же, если никто не хочет помочь мне, я сама прикончу его или умру». Но я придержал ее и сказал:

— Мне не по душе видеть, как убивают собаку только за то, что она кого-нибудь не взлюбила, а потому вы можете отдать ее мне. Мне нужна собака. Уходите, а я привяжу ее, чтобы она не беспокоила вас больше. Дорога начинается прямо за домом. Я оставляю собаку себе.

Парень поколебался, пустился было в путь, но как бы раскаявшись, что оставил собаку в живых, вернулся обратно.

— Эй! — сказал я, — если вы хотите, чтобы я удержал собаку здесь, отправляйтесь-ка лучше подальше. Я не допущу убийства на моем участке. Не только потому, что здесь находится моя жена, но и потому, что мне хочется сохранить жизнь этому мужественному псу.

— Хорошо! — говорит незнакомец. — Я ухожу, но, клянусь небом, отдал бы десять долларов за удовольствие превратить эту собаку в смятку.

Пока он не скрылся из вида, собака всячески пыталась высвободиться из моих рук. Но она слишком ослабела и, видя, что это бесполезно, перестала вырываться и снова завела свой диковинный вой. Я стал разглядывать ее раны и убедился, что мое предположение насчет выпущенных в нее двух зарядов дробин — правильно. Понимая, что я хочу ей помочь, собака ни разу не взвизгнула, пока я вытаскивал застрявшие дробинки. Тем временем жена сбегала в дом и принесла миску с горячей водой и дезинфицирующие средства. Так как собака, пока я возился над ее ранами, порывалась несколько раз кинуться вслед съему врагу, я, наконец, сказал жене, чтобы она принесла ошейник и цепочку.

Тогда произошла еще одна замечательная вещь. Когда мы надели вот на эту собаку ошейник, вид у нее был совсем обескураженный. Она точно впала в отчаяние и заплакала почти как человек, долгими, долгими воплями, как бы обезнадеженная вконец. Вдруг она обернулась ко мне и начала просить. Очевидно, когда ей хотелось добиться чего-нибудь от своего хозяина, она подделывала разные штуки. Так и тут она поднялась на задние лапы и принялась расхаживать взад и вперед. Потом остановилась и попробовала, не слишком ли она слаба для этого немера и, к нашему изумлению, перекувырнулась. Я выпустил из рук цепочку, но как бы не замечая этого, она усердно продолжала кувыркаться, пока не свалилась от слабости. Полежала минутку на спине, потом подползла

ко мне и уткнулась мордой мне в ладони, а потом ласково потянула меня за брюки на дорогу. Забежала на несколько шагов вперед, вернулась и снова запросила меня идти с ней. Говорю вам, что она только-что не говорила! А в глазах уже так и было написано: «Я больше не могу одна бороться. Говорить я не умею, но мне нужна помощь. Так помоги же мне!»

Видя, что от меня она ничего не добьется, она подошла к моей жене и стала умолять ее. Наконец, жена наклонилась к ней, взяла в руки ее бедную израненную голову и стала ее уговаривать. Собака несколько успокоилась и только время от времени всхлипывала, взглядывая в ту сторону, куда ушел незнакомец.

Заинтересованный моей новой покупкой, я вошел в лодку. Тотчас же собака вскочила вслед за мной, как

лась в сторону, обнаруживая большое полое пространство. Собака прыгнула вперед и с лаем вытащила оттуда охотничью куртку, ружье в кожаном чехле, связку рыболовных принадлежностей и, наконец, чемодан. Потом отошла, подняла морду вверх и издала протяжный заунывный вой.

В чемодане я нашел пару отлично сшитого платья, несколько щеток из слоновой кости и других дорого стоящих туалетных принадлежностей и пакет с письмами. Все они были адресованы «Чарльзу Меллозей Гэтс» на различные пункты по реке. Очевидно, в каждом месте Гэтс забирал свою почту, прочитывал и складывал ее в этот пакет.

Собака, терпеливо поджидая, пока я окончу мой осмотр, улеглась на землю и, положив голову на лапы, глядела на меня своими странными глазами; вы их видели,

Он снова набросился на нее, обхватив обеими руками свою дубину...

будто ухватившись за новую возможность поделиться со мной своим горем, и с воем кинулась на корму. Она начала скрестить лапами под широким сиденьем, оглаивая всю кормовую часть, стараясь привлечь мое внимание. Я попытался поднять доски сиденья, но они оказались накрепко приколочеными. Собака напряженно наблюдала за мной, затем провела носом сначала по моей руке, потом под сиденьем.

— Она пытается объяснить тебе, как надо что-то открыть! — настаивала моя жена. Я встал на четвереньки и заглянул под сиденье. Собака ревностно мне помогала, то тыча носом в одно определенное место, то отстраняясь, чтобы дать мне возможность взглянуть туда же. Еще раз взглядевшись, я заметил в деревянной обшивке маленькую вставку из косо срезанного дерева. Ухватив ее, я потянул. Собака залаяла, как бы говоря: «Вот здесь! Вот здесь!» — и целая часть обшивки под сиденьем сдвину-

лась, — глазами человека. Открыв с ее помощью секрет потайного ящика, я исследовал лодку дальше и обнаружил еще два таких же ящика по бокам. В одном заключался обильный запас изысканной провизии, а в другом — постельные принадлежности и сверток полотна с бамбуковыми шестами, с помощью которого, как мы позже узнали, можно было превращать всю лодку в маленький, полотняный домик. Вы представляете, как мы с женой были взволнованы этим открытием! Оно не очень-то нас обрадовало, так как уже не оставалось никакого сомнения в том, что человек, продавший нам эту лодку, где-то украл ее. Иначе ведь он не ушел бы, оставив нам все это добро.

Собака поднялась со своего места, подошла к ящику с провизией и впервые попросила есть. Жена сбегала в дом и притащила большую миску с пищей. Животное жадно поглотило ее, выказывая признаки крайнего голода.

Я очень редко видал, чтобы она так жадно и торопливо ела. Потом снова попыталась увлечь меня за собой по следам вора.

В форт Лэндинг можно было добраться коротким двухмильным путем, известным лишь тем немногим, кому были знакомы тропинки через болота. Я решил пуститься по нему, чтобы обогнать шедшего по прямой дороге незнакомца. Тогда я не был еще так стар и неподвижен, как нынче.

Мэр этого города был не дурак. Звали его Брукс, — старый Том Брукс, — он уже умер. Смышленный был парень! Едва я рассказал ему, что привело меня в город, как он тотчас же кинулся на поиски человека, продавшего мне лодку. Однако, время шло, а тот человек все не показывался и никто в городе не повстречал его, несмотря на то, что даже при самой большой поспешности он не мог добраться до города раньше меня.

Брукс был такого сорта парень, что раз вцепится во что-нибудь зубами, так уж ни за что не выпустит. А потому, предприняв все, что было возможно, он вернулся в свое служебное помещение и пригвоздился к телефону. Первые два города по реке, в которые он позвонил, ничего не знали об этом случае, из третьего сообщали, что незнакомец побывал там, закупая съестные припасы и, — нечто еще более замечательное, — что в то время, когда несколько праздных жителей наблюдали за отплытием этого человека, появился большой нечистокровный пес и атаковал его. И когда человек налег на бесла и поплыл вниз по реке, собака быстро побежала по прибрежной тропинке, как бы стараясь не упустить из виду лодку. Брукс продолжал телефонировать дальше, но к тому времени не узнал ничего больше, кроме отрывочных известий, что то тут, то там видали эту собаку. Распровавшись с мэром, я уехал, так и не узнав ничего положительного.

Первое, что мне сообщила жена, когда я вернулся домой: спустя час после моего ухода собаке удалось разорвать свою цепь, выскочить через окно дровяного сарая и скрыться из вида. Проходит несколько часов и, к моему изумлению, к нашему дому подъезжает Брукс и другой всадник, ведущий в поводу вторую лошадь. Мы с женой вышли им навстречу.

— Янсей, — говорит Брукс, — у меня явилась мысль: мы можем использовать того пса, о котором вы мне рассказали. Дело очень нечисто с тем парнем, что продал вам лодку. Он сидел в тюрьме в городе Вэртоне, в трех днях пути отсюда по реке, за попытку ограбления. Так или иначе, он выбрался из тюрьмы и никто не знал, что с ним потом стало. Но вчера вечером власти Вэртона узнали, что он бежал из каторжной тюрьмы штатов, где он отбывал долгий срок и был известен, как отчаянный тип. Все приметы описания безошибочно указывают на него.. В Вэртоне известны также купленная вами лодка и ее владелец, м-р Гэтс, — состоятельный человек, который ежегодно в одиночестве проводит на ней несколько недель, развлекаясь рыбной ловлей и охотой. И это еще не все: все в той местности, повидимому, знают этого пса, который, насколько мне удалось узнать, не менее знаменит там, чем его хозяин. Оба всегда были неразлучны. Они говорят, что раз пес очутился один, значит, случилось что-нибудь недоброе, потому что Гэтс очень ценил его и гордился им больше, чем некоторые люди своим ребенком; пес, в свою очередь, за своего хозяина готов драться насмерть. Так вот я и подумал, не выследит ли этого Дикого Броуна ваш пес.

— Вы опоздали, Том! — отвечаю я. — Собака сорвалась с цепи и уже пустилась по следу, если только... у меня в голове шевелятся недобрые догадки!

— Янсей! — обращается ко мне Том. — Тут может понадобиться следопыт. Вы — лучший знаток этого дела из всех лесных жителей. Поэтому, я прошу вас отправиться с нами.

Я захватил ружье и мы поскакали к югу. Однако, мне самому это преследование представлялось безнадежным делом. Два других представителя власти: шериф и его помощник, вскоре присоединились к нам, когда мы остановились для расспросов у одной фермы. Дикий Броун купил там кое-какую пищу и пытался приобрести и ружье, но неудачно, потому что у фермера не оказалось никакого огнестрельного оружия. Потом, спустя много времени, жена фермера увидела собаку, которая терпеливо проследила незнакомца до ворот фермы и побежала дальше по его следу.

Женщина привела нас к тропинке, на которую свернула собака. Не проехали мы по ней и сотни ярдов, как она стала такой вязкой, что мы могли только медленно продвигаться вперед и, наконец, началось такое болото,

что пришлось слезть с коней. Пошарив кругом, я обнаружил, что этот парень Броун пробрался через болото, перепрыгивая с одной кочки на другую, словно нарочно замывая свои следы. В одном месте он даже вошел в мелкую текучую воду и долго шел по всем ее изгибам, пока ему не пришлось снова выйти из нее. Я заметил и еще нечто другое: клочки почвы, где карабкалась собака, оставляя отпечатки своих лап и ища знакомый запах.

Мы посовещались и решили отослать спутника Брукса с лошадьми обратно на ферму, а сами продвигаться дальше, пока будет возможно, надеясь установить, где преступник вновь свернул на дорогу к железнодорожной линии. Но сколько мы ни шли, а выходило так, что либо этот человек заблудился, либо его обуяло стремление забраться в такую дикую глушь, где бы его никто не нашел, и залечь там, пока хватит съестных припасов. Нам начало казаться, что он в конце концов уйдет из наших рук, тем более, что уже надвигались сумерки и в наступающей темноте было трудно что-либо разглядеть.

— Возвращаться ли нам обратно и завтра утром начать поиски сызнова, или же заночевать здесь, выбрав место посуше? — сказал шериф.

Чтобы случайно не наступить в потемках на змеиное гнездо и не заблудиться в этой местности, решили остаться на месте.

Занятное орудие — человеческие уши. Особенно у тех, кому приходится подолгу жить в диких местах. Мы сидели, в полудремоте позевывали и я уже подумывал, докурив свою трубку, прикурнуть на ночь, как вдруг вдалеке услышал что-то. Перестал курить и наострил уши. Услыхал снова и, сделав остальным знак замолчать, встал, чтобы лучше прислушаться. С минуту все было тихо; все мы напряженно вслушивались и вглядывались в мрак. Звук повторился снова и на этот раз не могло быть никакой ошибки, потому что мы все его услышали: слабый, странный лай собаки, какой я уже слышал этим утром и отличил бы его от всяких других. Собака, неумолимая, непобедимая и терпеливая, снова нашла своего врага или снюхала его так близко, что даже подала голос. Вдруг лай возобновился, но уже злобный и торжествующий, с хриплой, бешеной непрерывностью.

— Клянусь небом! — воскликнул шериф. — Она выследила Броуна!

Странно сказать, но я подумал только об опасности, угрожавшей собаке, так мужественно достигшей финиша; мне казалось, что все преимуществу в этой борьбе на стороне человека и что он убьет собаку, прежде, чем я успею притти ей на помощь. Я был свежее всех остальных и привычнее к лесам, а потому далеко опередил всех. Примчался я туда первым. Во век не забуду этого зрелища!

Представьте себе — голый бугор, а на самой его верхушке одиноко торчащее дерево с низкими ветвями, которые отбрасывали глубокую тень. Я услышал царапанье когтей по коре, потом звук падения и жалобный вой и увидел, что собака тщетно пыталась взлезть на дерево. Потом она отскочила и, освещенная лунным светом, яростно кружила вокруг дерева, хрипло и угрожающе рычала и лаяла, повидимому, впад в отчаяние от сознания своей беспомощности. Около вершины дерева я разглядел фигуру человека, как бы в изнеможении полусвисавшего с толстого сука. В этот миг собака заметила меня, бросилась ко мне большими прыжками, казалось, узнала меня и взвыла у моих ног, снова упрашивая помочь ей.

Шериф и остальные, запыхавшись и обливаясь потом, показались на маленькой просеке и Том крикнул преступнику, чтобы тот сдался:

В ответ мы услышали:

— Этот пес или дьявол, кто бы он ни был, удержите его, чтобы он не тронул меня! Я совсем... — он невнятно пробормотал что-то и, наконец, закончил: — Вам придется помочь мне спуститься, потому что...

Шериф и Брукс взобрались на дерево, я же держал собаку. Мне не понадобилось для этого много усилий, так как она была полумертвая от усталости. После того, как я приласкал ее и поговорил с ней, она, видимо, поняла, что все в порядке и ее долг окончен. Я убежден, что она понимает человеческую речь. Конечно, не все, но многое, может быть, столько же, сколько трех-четырехлетний ребенок: простые слова, вроде тех, какими я ее тогда успокоил.

Мы так порядком повозились, прежде чем нам удалось спустить Броуна вниз. Он был в ужасном состоянии и не протянул бы долго, даже если бы собака не атаковала его, потому что с ним случилось именно то, чего боится каждый в этой лесной трясине: он наступил прямо на змеиное гнездо и был в трех местах ими укушен. В него попало достаточно яда, чтобы умертвить его, даже

если бы помощь оказалась под рукой. Он потерял сознание прежде, чем успели положить его на землю. Лицо было покрыто кровавыми царапинами от колючек зарослей и вся одежда изодрана в клочки.

Брукс влил ему в горло остаток содержимого своей карманной фляги. Откашливаясь и отплевываясь, он пришел в себя и заговорил. Полагаю, что большинству людей, к их счастью, никогда не приходилось слышать таких речей.

Я держал эту истомленную, но все еще дышащую месью собаку между моими коленями, опустившись на землю, около ног Броуна, чтобы было удобнее слушать, тем не менее, некоторые из его слов не долетали до меня. Остальным, при свете луны склонившимся вокруг Броуна, было слышнее, чем мне, так как им не нужно было иметь дело с разъяренным псом, норовившим схватить за горло умирающего.

Броун увидел Гэтса с нагруженным ранцем, проследил его до окраины какого-то города, где он причалил свою лодку, убил его, привязал к телу груз и бросил его в реку. Но пока он боролся с Гэтсом, лодку снесло течением и убийство произошло уже на середине реки, на уносимой быстрой рекой лодке. Броун клялся нам, что у него не было намерения убить свою жертву. Но Гэтс был очень сильным и в порыве самозащиты Дикий Броун крепче, чем следовало бы, пристукнул его захваченной с собой дубиной и... Гэтс был готов.

Во время этой короткой схватки преступник услышал вопль собаки, которая осталась на берегу, а теперь подплыла к лодке на защиту своего хозяина и цеплялась передними лапами за борт кормы. На кормовом сиденье лежало ружье. Броун перебежал по заколыхавшейся лодке, схватил его и выстрелил прямо в собаку морду. Собака отвалилась от борта, но потом подплыла снова, и тогда он всадил ей в бок второй заряд. Опять отпустив борт лодки, собака все же изо всех сил пыталась догнать ее. Броун, как сумасшедший заметался в поисках патронов, но не нашел их. Сообразив, что эти ночные выстрелы могут привлечь чье-либо внимание, он схватился за весла и спустился около мили вниз по реке. Не слыша за собой больше никакой погони, он причалил к берегу, набрал тяжелых камней и окончил свое гнусное дело.

Он греб всю ночь. На рассвете высадился и осмотрел лодку. В двух ящиках, которые ему удалось открыть, он нашел немного пищи, но не обнаружил никаких боевых припасов. Очевидно, он не напал на секрет потайных ящи-

ков. Улегся спать, но около полудня был разбужен лаем собаки и узнал в ней своего преследователя. Как ни опасно ему было плыть дальше днем, он все же оттолкнулся от берега и прогреб полдня, когда, истощив все свои силы, запрятался в какую-то бухточку и уснул. Но не проспал он и часа, как над его ухом раздалось свирепое рычанье

и пес ухватил его зарло. В слепом страхе он стянул с себя животное в воду и опять взялся за весла.

На этом протяжении реки, на много миль вдоль берега, тянется сносная дорога: собака без устали, упорно, неотвязно следовала по ней все время, наравне с лодкой. Когда человек останавливалась, она останавливалась тоже, то молча наблюдая за ним, то принимаясь лаять, но всегда, днем и ночью, готовая продолжать свое преследование. Броун пытался было схитрить, приставив к противоположному берегу и поднимаясь обратно вверх по реке. Но ничего не помогало.

Никто и никогда не узнает, как долго продолжалась эта борьба, сколько раз убийца предполагал, что он отделался от своей погони, сколько раз он жаждал покоя. В конце концов, им, очевидно, овладел суеверный ужас, вполне понятный у такого человека в его положении. Он, наверное, уверился в том, что его преследует какое-то сверхъестественное существо, которого он не в силах ни убить, ни избежать, и которое неуклонно толкает его к гибели.

Обнаженный до пояса, с безумными глазами, Дикий Броун плыв вниз по реке. Раскаленное солнце Флориды жгло его, выгоняло пот из его ослабевшего тела и порождало странные мысли в его измученном мозгу. Оно опалило ему спину и плечи, а он все греб да греб, пока мозоли на его ладонях не лопнули и не окрасили кровью весла. И вот ночью, когда он уже так изнемог, что едва сидел на веслах, он с облегчением подумал, что несколько часов не слышал этого проклятого лая и очевидно, успел на много миль опередить собаку. Ему пришло в голову, что, может быть, это ужасное чудовище распознало своего врага благодаря лодке. И решил

утром продать ее, если это будет возможно, а если же нет, бросить свою добычу.

Когда он продавал мне лодку и вновь раздался лай его преследователя, он понял, что бегство невозможно, пока собака останется в живых. Может быть, сэр, вы склонны предположить, что случайные укусы змей лишили его последнего шанса на жизнь. А по-моему, в конце концов, собака доканала бы его!

Хрипло и угрожающе рычала и лаяла.

Иллюстрации Юргенса.

Рассказ П. В. ТУЧКОВА.

Рассказчик замолчал, как бы вновь переживая то, что испытал он, идя почти на верную гибель; и продолжал:

— Балакать по-украински я могу, так что оделся в свитку, подвесил под нее

— Да! — сказал мой собеседник, выколачивая трубку и задумчиво глядя в окно на бесконечный простор украинской степи. — Едешь это теперь спокойно, смотришь себе в окошечко, а ведь нет еще и десятка лет, как эта местность кишмя кишела всякой бандитской нечистью — не было дороги ни конному, ни пешему. Забавнее всего, что, как в сказке, одного «батьку» пришибут, на его место двое являются. Доходное было дело.

— А вам должно быть приходилось работать по борьбе с бандитизмом? — спросил я.

— Да, и очень даже, а вот через станцию будет «Красная Сенча», так она, ух, как мне памятна!

— А можно узнать подробности? — заинтересовался я.

— Подробности? Что ж, пожалуйста, только предупреждаю, рассказчик я плохой, так что оно может и незанимательно выйдет, а случай, можно сказать, «гробовой».

Служил я тогда в Красной Армии, был помзавом разведки при полевом штабе. Главная наша задача была — борьба с Махно. Это было уже время заката его карьеры: не было у него уже тысяч людей, не было и орудий, но все же сабель и тачанок с пулеметами он имел достаточно. И надо отдать ему должное, мотал он нас здорово: только получишь сведение, что он, скажем, в Голенке, глядь, часа через два новое донесение — громит Кумары, а это верст 50 от Голенки. Тут вот и ломай голову, где он настоящий, а где, так сказать... демонстрация. Главный секрет его неуязвимости — быстрота движения и инициатива, конечно, так как он уходил, а мы преследовали; но самый главный козырь его была «агентура». Сидели его агенты по многим местечкам и хуторам и о всех наших передвижениях ставили его в известность. Вы говорите, ловили ли? Конечно, ловили, но это ведь капли в море. Ставили мы и свою агентуру, но он, подлец, большей частью обходил такие районы, где обстановка складывалась не в его пользу. Одним словом, видим — дело табак; ускользает от нас Махно, а при случае и жалит. Тут начальник разведки собрал совещание и порешили на нем послать своего человека ни больше, ни меньше, как в самый штаб батьки Махно. А у нас, сами знаете, как постановят, так и делают. Одним словом, зовет меня нач. разведки и говорит: «Сматывайтесь, товарищ Бартенев, и валите к Махно! Выбор пал на вас, человек вы башковатый, авось не пропадете». — «Ну, что ж, говорю, назвался груздем, надо лезть в кузов. Давайте инструкции». Обсудили все, как и что. На случай благополучного возврата дают мне бумажку. Нет, говорю, увольте! Ничего не беру: коль отыщут, тогда крышка. Пойду уж налегке. Так и пошел.

обрез, это специфическое бандитское оружие, и пошел через поля и яры как раз в тот район, по которому мы сейчас едем. Шел и дорогой все обмозговывал на случай встречи с Махно. Но на самом деле все сложилось много проще. Случай такой вышел. На вторые сутки верстах в пяти от того хутора, где я остановился на ночлег, запыхало пламя, хозяева засуетились, дидько выкатил подводу и стал закладывать. Из расспросов выяснилось, что горит завод и хозяин торопился за сахаром. На Украине в то время так уж заведено было: Махно жгет, а запасы сахара расхищались населением, и с этим злом трудно бороться было. Да, так вот мы с хозяином и понеслись во всю прыть на место пожара; по мере приближения к нему число подводов на дороге увеличивалось, каждый торопился воспользоваться случаем и не попасть к шапочному разбору. По улице большого села, заполненной, подводами, тачанками, лошаадьми, сновали люди, вид которых не оставлял ни малейшего сомнения в принадлежности их к высококвалифицированным бандитам. Они тут же на улице меняли белье, вытащенное из скринь запасливых хозяек, некоторые перепрягали лошадей, беря свежих у крестьян и оставляя в обмен загнанных. Крестьянство молчало — таков был непреложный железный закон того времени. Пламя горевшего сахарного завода ярко освещало всю эту картину. Мелькали: крымки, буденовки, запорожские шлыки, папахи, вплоть до соломенных шляп чумаков. Вся эта ватага, обвешанная оружием, гранатами, патронами, стихийно шумела, орала, пела. Жуткая картина, но яркая, слов нет, бери кисть и пиши. У исполкома валялись двое порубленных, а само здание горело, и никто не гасил, несмотря на опасность общего пожара.

Прошли мы с дидько на заводский двор, а там, как в церкви на престольный праздник, не пропихнуться, и от пожара жарница адовая. Я это глазами туды — еуды, ишу, значит, где-ж этот гусь Махно, а сам мешок с сахаром помогаю дядько тащить. Только это мы из ворот, как мой хозяин столкнулся с хлопцем и ну целоваться. Смотрю я на парня и дивлюсь его костюму: галифе, пузырем из каракуля, на груди расшитой рубахи: целый ряд часовых цепочек, а на голове папаха туркменская из целого барана — фигура замечательная, бандит стопроцентный.

— А это что за хлопец? — указал он на меня. А я свитку отвернул, да на обрез: А это бачишь? — Эге, да хлопец-то из наших! — засмеялся тот. — Откуда? — От Христового остался — ответил я. Банда же Христового была как раз в это время полностью ликвидирована. — Добре! — протянул он, оглядывая меня. Тут он с дядько пошли выпить по случаю встречи. Ну и я с ними; выпили здорово, так что когда проснулись, то солнце стояло высоко, а от Махно и след простыл. —

Беда! — чесал себе затылок мой новый приятель. — Отстали мы, как бы к красным не попасть! — К красным, это верно — сказал я. — Как же своих догнать? — А мы и догонять не будем, — ухмыльнулся тот, — а проберемся в Березняки, а «батяка» через день там проходить будет. — Заинтересовался я, конечно, но виду не подал. — Так давай, говорю, вместе тикать — все веселей. — Идет. — Так мы вдвоем и пробрались в село Березняки и схоронились там у одного куркуля, царство ему небесное — улыбнулся рассказчик. — И точно, через сутки влетел туда с грохотом Махно, быстро учинил суд и расправу, порубил на площадях четырех незаможных, т.е. бедняков, за сочувствие власти, да спалили хату красноармейца. Мой товарищ исчез,

К вечеру примчались мы к Лютеньке и в указанном бандитом месте откопали патроны. Ну, дальше совсем хорошо пошло. Доверенность была мне полная. Ведал я тачанкой, на которой ездил одна из женщин, не жена Махно, а как бы ее подруга — для развлечения. Аховая была женщина. Пила крепко, а пьяной не бывала. Тачанка была новая, накидаешь в нее перин, подушек, упряжка в шесть коней. Только гикнешь. Они черти карьером, и дуешь себе целиной — везде дорога. Конечно, нашим и трудненько было догонять таких зверей. Уход за ними хороший, кормили овсом с сахаром. Ну, а работы конь не боится: верст по семьдесят в день шли. Помаленьку я присматривался и прислушивался. Главное — агентов примечал. Они самое

Да, так вот мы с хозяином и понеслись во гю прыть.

видно по начальству являлся, только спустя некоторое время приходит и говорит: Иди-ка к батяке, ты ему нужен. — Екнуло мое сердце, но ничего, пошел, виду не показал. По селу картина старая: крик, вой, лошади, люди, тачанки с пулеметами и перинами, но пьяных не видел — видимо, все выпили.

Пришли к дому богатея, а там в саду как пикник — стол накрыт и человек пятнадцать сидят, закусывают, между ними две женщины. Один из сидящих — невзрачный такой, маленький, лохматый — обернулся ко мне и сверля меня черными глазами спросил по-украински: — Ты у Христового был? — Был! — ответил я, скидывая шапку. — А ну, расскажи мне, как все было и как его захватили? — Мне это, конечно, плевое дело: сам ловил, так как не знать — рассказал. Помолчал тот, покрутил шарик из хлеба, да опять: — А про патроны знаешь? На мое счастье, место, где были закопаны патроны Христовым, было указано одним из бандитов. — Знаю! — спокойно ответил я. — Добре! — хлопнул меня по плечу батяка. — Иди ешь, а после на коня пойдешь в голове колонны. — Поклонился я и пошел. Но должен сказать, что до отъезда меня основательно и допросили и обыскали, распороли всю свитку, шапку, сапоги, и хорош бы я был с документом от штаба.

зло — весь маршрут по их сведениям строился. Придет такой тип: шу-да-шу, смотришь, хотели ехать на Огольцы, а катим целиной на Кумары. Память у меня хорошая. Никаких записок не вел, а все в башке. Так покатался я недельке две, ну, думаю, достаточно, пора и честь знать. Надо тикать до дому, да и сведения у меня были собраны важные. К тому же и бабенка, которую я возил, чудить начала, все норовит со мной рядом на козлы сесть и смотрит такими пустыми глазами, что одурь берет! А уж известно, где женщина, там и грех! — засмеялся рассказчик.

— Мы в это время шли как раз в район Красной Сенчи. Изловчился я и устроил так, что соскочило в дороге и рассыпалось с тачанки колесо; пересела моя барынька на другую тачанку, а я подладил жердину и волокусь в хвосте, а сам кричу для вида, чтобы хлопцы помогли. Те смеются: — Рубай постромки, — говорят, — и скачи верхом, а барахло бросай. Но все же доехали до села Иванковцы. Это верст семь от Сенчи, проезжать будем, я вам покажу. Как приехали, я к кузнице. — Ладь, говорю, колесо! — Кузнец стал подбирать, а я левадой, левадой, да в конопель, а она высоченная, я в ней и схоронился. День сидел, ночь, и только к обеду на второй день вылез. Смотрю, все

как будто в порядке, на селе спокойно и никого не видать. Я это огородами, да проулочками к площади, а сам думаю: должны наши скоро явиться, если уже не здесь. Выхожу к исполкому — никого, я в дверь. Как вошел в комнату, народу в ней было душ пятнадцать, заматались все, сразу стихли, смотрят на меня во все глаза.—Где, спрашиваю, председатель Совета? Молчат.—Где председатель Комнезама?—Опять молчок. Тут сообразил я, что за бандита меня приняли.—Вы, говорю, товарищи, не бойтесь. Я не бандит, а красноармеец, и мне нужно срочно попасть в Сенчу, чтоб связаться со штабом. Тут они, видя, что я, так сказать, в единственном числе, осмелели, а один такой курносенький, с бородашкой на бок, председатель Совета, как потом оказалось, собрался с духом и говорит: — Все это хорошо, товарищ, но позвольте ваши документы!—Нет, говорю, у меня никаких документов.—А если, говорит, нет, то мы вас задержим и препроводим в Пирятин.—Дело, — говорю, — товарищи, валите. Только поестьте дайте и отправляйте! — В это время вкатывается еще какой-то паренек, поглядел на меня, пошукался, да и говорит:—Тут разговоров и сомнений никаких быть не может — это махновец. Я его лично видел и тачанка его у кузницы лежит.—Вижу я, дело скверное. Бумаженка то от штаба не лишняя была.—Верно, говорю, товарищи. Не отрицаю, был я у Махно, но с секретным заданием.—А они свое:—Нам это не касается, где возиться с ним. Шутка ли, в Пирятин, за пятьдесят верст, а время какое? Покос. Не дело это!—Шум поднялся. Крик. Тут опять этот парнишка слово берет.—Предлагаю, говорю, вызвать из Яшников чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом, она и рассудит все на месте.—Света я не взвидел. Сами посудите: время тогда было горячее, полномочия у этой тройки были большие, т. к. бандитизм действительно принимал грозные размеры. Где они будут возиться со мной. Установят факт, что в банде я был и... конец. Нельзя же каждого захваченного в уезд направлять. для опознания, тогда и тройки всякое значение потеряют. Да и люди попадали туда, так сказать, от сохи — разбираться в тонкостях не умели и ошибочки у них бывали, да такие, что самих другой раз судили. Все это меня не утешало. Выведут, думаю, в расход, а потом доказывай, что ты заяц, а не верблюд. А свои искать не станут: нет, значит погиб у Махно и точка. В Ивановцах ни телефона, ни телеграфа не было. Надо было давить с Сенчи, а как пошлешь? С кем? — Одним словом, заперли меня. Сижу, вечером прибыла тройка, а утречком потянули меня в Совет. Кругом толпища, еле прошли, все население Ивановцев, плюс окрестные хутора: всякому лестно бандита побачить.

Заседание было короткое. Выслушали свидетелей, которые видели меня среди махновцев, выслушали меня и, посоветовавшись несколько минут, постановили: запросить штаб, и если мое заявление не подтвердится — расстрелять, как явного бандита. И то хлеб—думаю — не пропадем. Посадили меня опять: сижу день, два, волнуясь, конечно, спрашиваю, как и что. Говорят: — Нет еще ничего, видно, такого штаба нет! Тут у меня

сомнение взяло: что-ж, думаю, стряслось такое, что никакого ответа нет. Только на третьи сутки, часа в три, отпирают мою камору и говорят: — Пожалуйста!—Куда?—А известно куда, исполнение приговора: морочили уж нас, довольно.

Тут, понимаете, я так и обмер. Вот и сейчас у меня мурашки по спине бегают, как вспомню этот момент. Зло меня взяло и досада — погибать от своих, когда от Махно ушел. Смеется судьба. Стал я ругаться, вспомнил всех родных моих, невольных тюремщиков. Однажды выволокли меня и потащили за село. Иду и ничего не чувствую. Одуры какая-то напала.

Товарищ Бабаев, выручай!

Только стали сворачивать с площади — бац. Навстречу несется в красной фуражке с нагайкой в руке комбриг отдельной конной, Бабаев. Тут я сразу в себя пришел, конвойных моих по боку и к нему, а сам ору, что есть мочи:—Товарищ Бабаев, выручай!—Тот стоп, осадил коня и на меня воззрился, как на пришельца с того света.—Бартенев! Такой, сякой,—откуда? А я уж, понимаете, не выдержал. Вообще, я крепкий человек, а тут сдал—закачался и с катушек долой. После уж как очухался, рассказал свою Одиссею. Руганул Бабаев тройку, а только согласился, что в своем праве она была. И погиб бы я ни за грош, если бы не Бабаев. От него я узнал, что ответа на запрос прислать было некому: погиб наш штаб целиком, пав жертвой слепого случая. Захватил его случайно Махно как раз в тот день, когда я остался в Ивановцах, и порубил всех, до последнего телефониста. Я же, который, казалось, должен был погибнуть скорее, чем кто-либо, уцелел. Такова моя, значит, судьба, «кесмет», как говорят на Востоке.—А, вот, как раз и Ивановцы видать!—поднялся рассказчик.

Тучков.

СЕМЬ НЕФРИТОВЫХ КАРПОВ

Рассказ ЭД. ДЖЕПСОНА

Аннибал Тод был очаровательным молодым человеком, но за последнее время он утратил свой обычный блестящий вид. Конец сентября скверный период для распространения новых изобретений: летние каникулы значительно порастрясли ресурсы домашних хозяек, лишив их возможности делать закупки хозяйственных вещей фирмы Мортонса. Эти же самые каникулы настолько укрепили силы мужчин, что они не имели особой надобности прибегать к изобретению Ролланда «Омолодитель». Аннибалу с грустью пришлось изъять часть своих банковских вкладов.

Вот почему блестящий, очаровательный вид Аннибала приобрел несколько разочарованный, байронический оттенок. И вдруг, проходя по Бэйкер-Стрит, он узрел пожилого господина. Это был человек, повидимому, утративший способность правильной координации; его свободно можно было причислить к категории тех лиц, которые в молитвах призывают своего благодетеля — Анн бала. Пр давать омолодитель и вновь возвращать человеку его бурлящие силы — это филантропическое дело являлось призванием Аннибала, его жизненной миссией.

Во всяком случае, вид этого господина давал надежды на восстановление по ер евших крушение банковских вкладов. Аннибал стал выслеживать.

Он проводит его до дома, узнает адрес, пошлет проспект, где подробнейше расписываются все бесподобные свойства «Омолодителя», затем зайдет к нему лично, сделает красноречивое добавление и, ознакомив с употреблением, убедит купить.

Так строил он свои планы, преследуя старого господина. И вдруг тот, пройдя улицу, сел в омнибус. Аннибал последовал за ним и уселся напротив, чтобы услышать, куда он едет, и взять тот же билет.

Подошел кондуктор.

— До Коттедж-Сунес! — произнес старый джентльмен. Кондуктор оторвал билет. Старый господин полез в один карман, в другой, третий, в тщетных поисках мелочи и, наконец, вытащив из бумажника пятифунтовый билет, подал его кондуктору, высказывая сожаление, что у него не нашлось более мелких денег.

— Сожалеете? Это меня очень мало трогает! — резко произнес кондуктор. — Я не английский банк. Разве я в состоянии разменять такой билет? Я должен оплатить ваш проезд из собственного кармана! Я, у которого жена и пятеро голодающих детей!

С глубоким возмущением он обрушился на старого господина, желая привлечь внимание остальных пассажиров, затем он полез в свой карман и необычайно выразительным жестом вытащил оттуда один за другим два пенса и бросил их в кожаную сумку.

Аннибал повернулся к старому господину и произнес с заискивающей любезностью:

— Разрешите мне оплатить ваш проезд? — и, не дождавись ответа, бросил кондуктору:

— Два билета до Коттедж-Сунес.

Кондуктор, с плеч которого свалился расход, идущий за счет его жены и голодных детей, смягчился и выдал ему два билета.

— Я очень обязан вам! — с благодарностью произнес старый господин. — Я стал слишком забывчив, слишком...

— Да, это очень неудобно! — с сочувствием перебил его Аннибал. — У некоторых людей эта склонность является природной, в большинстве же случаев забывчивость возникает вследствие умственной слабости, но она легко может быть устранена.

— Я опасаюсь, что это скорее следствие преклонного возраста, — произнес с печалью старый господин.

— Но в наши дни разрушения, которые несет старость, легко восстанавливаются у лиц, вступивших на правильный путь! — произнес решительно Аннибал.

Закинув так недурно крючок, он умолк, отвернулся в другую сторону и погрузился в созерцание архитектуры улицы Парка.

Аннибал повернувшись и произнес с заискивающей любезностью.

Когда омнибус остановился около Коттедж-Сунес, старый господин спросил:

— Не направляетесь ли вы к улице Финлэй? Если так, мой дом в нескольких шагах отсюда и я бы мог расплатиться с вами.

— Мой дорогой сэр, я прошу вас не беспокоиться о таком пустяке! — запротестовал Аннибал, продолжая все же идти с ним рядом.

Сделав саженей двадцать, старик вновь заговорил.

— Что вы подразумеваете, когда говорили, что старческие разрушения легко могут быть восстановлены у тех кто встал на верный путь?

Аннибал не спешил с разъяснением и тем самым еще больше разжигал любопытство своей жертвы. Наконец, когда они сделали шагов сто, он красноречиво описал все замечательные свойства нового средства «Омолодитель».

В конце улицы старик остановился и, дойдя до его плеча, произнес:

— Мне очень хотелось бы уплатить вам эти два пенса. Я живу в четвертом доме отсюда и, кроме того, я желал бы более подробно ознакомиться с вашим средством.

Аннибал согласился, заявив, что в его распоряжении имеется свободных полчаса.

Когда они вошли в дом, Аннибал заметил, что старый джентльмен занимает нижний, хорошо обставленный, этаж. Это обстоятельство успокаивало Аннибала и избавляло его от расточения лишнего красноречия, которым он обычно подкреплял «Омолодитель».

Старый джентльмен провел его в кабинет, предложил сигару и вновь начал разговор про «Омолодитель». По мере того, как Аннибал говорил, желание старого джентльмена приобрести это средство все более и более возрастало, но, когда он услышал цену в шесть гиней¹⁾, он смутился, заявив, что это слишком солидная сумма.

— Я должен подумать об этом! — проговорил в нерешительности старик. — Сумма слишком значительная.

— Вот что, — заявил Аннибал, — я никогда этого прежде не делал, но вам я могу предложить следующее: внести теперь же двадцать пять шиллингов²⁾, остальную сумму уплачивать в рассрочку, по гинее в месяц.

¹⁾ Гиней равна — 10 р. 50 к.

²⁾ Шиллинг — около 50 коп.

— Это, конечно, легче! Значительно легче! — воскликнул обрадованный старик.

В этот момент открылась дверь и на пороге появилась прелестная молодая девушка. Бледное, пикантное личико, бледность которого еще резче подчеркивали ярко-красные губы, волосы цвета темного золота, черные глаза, безукоризненные линии подбородка...

— Чай уже готов, дядя! — произнесла она и, заметив Аннибала, бросила на него не лишенный любопытства взгляд.

Прелюдия началась. Они справились о его имени, он же узнал, что хозяйин Генри Уиппл, она же — его племянница, Мариэль Уиппл.

М-р Уиппл пригласил его к чаю. Аннибал принял приглашение с радостью, так как прелестное личико молодой девушки значительно увеличило его интерес к м-ру Уипплу, который после чая сообщил своей племяннице, что он очень заинтересовался «Омолодителем» и подумывает о покупке этого изобретения.

Интерес, который вызвал Аннибал в молодой девушке, резко изменил свое направление. Она бросила на него взгляд, полный подозрительности и неприязни.

О, Аннибалу был знаком этот взгляд. Он видел его частенько на лицах родственников своих старых пациентов. И он давно уже пришел к твердому убеждению, что родственники старых джентльменов на все траты стариков закрывают глаза, за исключением лишь тех случаев, когда эти затраты идут лично на самих стариков. По мнению родственников, все деньги должны тратиться исключительно на них, а поэтому Аннибал не пользовался их расположением. Это была упорная и очень тяжелая борьба. Иногда побеждал Аннибал, иногда же верх одерживали родственники.

М-р Уиппл попытался еще что-то сказать в защиту замечательного изобретения, но племянница холодно перебила его:

— Но ведь вы знаете, дядя, что доктор строжайше запретила вам тратить деньги на всякие аптекарские снадобья.

— Но ведь это не аптекарское снадобье, а электрическая машина! — протестовал м-р Уиппл.

— И сколько она стоит? — спросила подозрительно Мариэль. — Шесть гиней? За электрическую машину? Но ведь это же безумная цена! — воскликнула девушка, взглянув на Аннибала уже не с возмущением, а с полным отвращением.

Хотя оборот дела не предвещал для Аннибала ничего хорошего, он не пал духом; наоборот, каждый фибр его души напрягся в едином непреклонном желании во что бы то ни стало продать м-ру Уиппл аппарат.

— М-р Уиппл, получив здоровье и силы, сможет с избытком покрыть сделанные затраты! — заявил вкрадчиво, но твердо Аннибал.

— Это вы так думаете! — произнесла Мариэль с насмешкой, свойственной современным девушкам.

— Я могу показать вам отзывы шести джентльменов, которые убедят вас в прекрасных свойствах «Омолодителя».

— Мне совершенно достаточно ваших отзывов! — признал м-р Уиппл. — Я согласен приобрести аппарат на тех условиях, которые вы мне предложили.

— Прекрасно! — радостно воскликнул Аннибал. — И я вам даю слово, что вы не раскаетесь. Я пришлю вам аппарат завтра утром и после обеда зайду сам, чтобы показать, как с ним нужно обращаться.

Мариэль нахмурилась. С этого момента он стал ее непримиримым врагом. За столом она не проронила ни звука, словно находилась в полном одиночестве. Она совершенно не замечала Аннибала. И только когда он собрался уходить, поспешно вскочила, чтобы выполнить свою обычную обязанность — выпустить гостя.

Взгляд, полный смертельной ненависти, впился в него, когда он проходил в дверь.

— Как вам не стыдно брать деньги у такого человека, как мой дядя, за такую дрянь? Опутывание! Жульничество! Я не могу это назвать иначе.

Этот оскорбительный тон заставил Аннибала обернуться назад, но на насек он не ответил насмешкой.

— Подождите и увидите! — с этими словами и с видом, полным достоинства, он сошел с лестницы.

Едва он отошел от дома, как почувствовал большой упадок настроения. Его вера в «Омолодителя» была очень сильна, она доходила почти до фанатизма. Он глубоко верил, что «Омолодитель», одно из лучших средств, какое распространяет его торговый дом. И вдруг его вера была

оскорблена! И кто же поколебал ее? Рыжеволосая девушка! Он не мог отвязаться от этой мысли.

— И кто эти Уипплы? Кто они в действительности? Фамилия была ему крайне знакома.

Подозрительное отношение мисс Уиппл заставило его на другое же утро отослать «Омолодителя» м-ру Уипплу, а к четверем он направился сам, чтобы показать употребление аппарата.

После урока Аннибал остался пить с ними чай, т.е. вернее, с м-ром Уиппл, так как мисс Уиппл хотя и имелась в наличии, но совершенно игнорировала присутствие Аннибала. Вначале она молчала, затем заговорила о своих делах. Она говорила о судорогах, которые бывают у нее и скверно действуют на ее самочувствие. Аннибал выразил по этому поводу самое горячее соболезнование, но на ее лице не выразилось никакого удовольствия.

И вдруг Аннибал вспомнил, почему ему знакома эта фамилия: не приходится ли они с какой-либо стороны родственниками Вениамину Уиппл, известному коллекционеру нефритов?

— Это мой родной брат! — произнес м-р Уиппл.

— Вы также занимаетесь коллекционированием? — спросил Аннибал.

— Нет, он никогда не занимался этим делом, но несколько лет тому назад, он получил в подарок от брата несколько нефритовых рыбок, необычайной красоты. Это единственные нефриты, которые у него имеются, и он, признаться, мало интересовался ими. Рыбки лежат наверху в ящике, вместе со всякими ненужными вещами.

Аннибал наострил уши.

Прозрачные зеленые нефриты сами по себе прекрасны, но если их коснулась рука искусного мастера... Аннибал как коллекционер нефритов, выразил сильное желание взглянуть на них. Желая услужить своему благодетелю, м-р Уиппл попросил племянницу сходить за рыбками.

Она неприятно отнеслась к этой новой затее, но все же отправилась и принесла изящный деревянный ящик в десять дюймов длиной, восемь шириной и высотой дюйма в два. В замке торчал ключ старинного фасона. М-р Уиппл открыл ящик и подал Аннибалу.

Дикое изумление вытянуло его лицо. На шелковом фоне футляра лежали рыбки, семь восхитительнейших нефритовых карпов, тонкой художественной работы. Едва сдерживая охватившее его волнение, он вынул одного карпа и начал рассматривать. Он узнал его... Правда, он не так давно начал собирать коллекцию, но он уже в достаточной мере изучил главнейшую литературу. В современном французском справочнике он видел репродукцию этого карпа, взятую из старинной китайской книги семнадцатого века. Ошибки здесь не могло быть, перед ним находился нефритовый карп работы семнадцатого века, принадлежащий китайскому императору Ианг-Цзангу.

Он положил его обратно в коробку и взял другого. Этот был точно такой же, и все они, как две капли воды, походили друг на друга.

В первый момент он даже растерялся, но затем вспомнил разъяснение.

Император китайский пожелал иметь нефритового карпа — эмблему счастья и могущества — и заказал его Ли-Чингу, искуснейшему мастеру своего времени. После целого ряда церемоний, полагающихся для изготовления талисмана, карп был готов. Боясь, чтобы у него не похитили талисмана, император заказал к нему шесть копий. Копии были сделаны очень точными, с таким расчетом, чтобы пожелавший похитить талисман был сбит с толку и не мог бы разобраться, который из карпов является действительным талисманом, сделанном Ли-Чингом.

Рассматривая рыбок и поверхностно и более внимательно, чтобы найти хоть какое-либо различие между ними, Аннибал вслух высказывал свое восхищение их красотой.

М-р Уиппл не думал, что это подлинник, а потому и не ценил их высоко.

Аннибал предложил свои услуги по реализации этих вещей.

— Ладно, — согласился м-р Уиппл, — но я не думаю, чтобы за них можно было получить хорошие деньги.

Аннибал же был уверен, что за одну из рыбок он свободно мог бы получить по 100 фунтов¹⁾, но вслух заявил только:

— Порознь продавать их не стоит, а за все вместе могут дать хорошую цену. Если вы согласны уступить одну рыбку и дать 5 процентов комиссионных, то за остальные шесть рыбок, я постараюсь выручить значительно больше 100 фунтов.

¹⁾ Фунт — около 10 руб.

— Сто?! — воскликнул м-р Уиппл с приятным изумлением. — Если вы продадите за эту сумму, я охотно отдам вам одну из рыбок и уплачу 5 процентов комиссии.

— А разве не жаль вам, дядя, что мы никогда не увидим больше этих рыбок? — сказала мисс Уиппл таким тоном, словно она не надеялась увидеть еще раз Аннибала.

— Но вы получите деньги за них! — любезно возразил Аннибал.

— Конечно получим! — радостно подтвердил дядя.

Но выражение пикантного личика не стало любезнее. Она проводила Аннибала до наружной двери и, когда он выходил, проговорила насмешливо:

— Недурно вы облапошиваете дядюшку: сперва «Омолодитель», потом эти рыбки...

Аннибал мог наговорить ей много всяких вещей, но он признал только:

— Всего доброго!

Но кога он вышел, перед его глазами долго стояло х. рошенькое личико, полное возмущения.

Вернувшись в свою контору, он всоружился лупой и, взяв себя в руки, бернул прежнее деловое настроение. Он разложил все семь рыбок на столе и с ал внимателью рассматривать их сначала невооруженным глазом, затем с помощью лупы. Точность, с которой воспроизведены были копии карпа Ли-Чанга, бы а изумительна. Совершенно невозможно было сказать, который из этих карпов является оригиналом. Ему же крайне важно было выяснить этот вопрос, так как он решил оригинал оставить себе. Рыбки слегка отличались цветом, чувствовалась некоторая разница в весе, но должны ли быть оригинал легче или темнее и наоборот, этого он сказать не мог. Проблема казалась неразрешимой.

Но, вероятно, имеется где-либо более опытный глаз, чем его? Он вспомнил про своего приятеля, м-ра Пробина, уже много лет коллекционирующего нефриты, и решил обратиться к нему.

Когда м-р Пробин увидел карпов, его глаза широко раскрылись.

— Боже мой, что это такое? — воскликнул он в изумлении.

— Карп Йанг-Цзанга и его шесть копий! — произнес Аннибал грустным тоном. — Может быть вы мне сможете сказать, который из них ОН?

М-р Пробин погрузился в созерцание карпов. Он осматривал их и простым и вооруженным глазом, вертел во все стороны. Более получаса прошло в таком напряжении. Наконец, он произнес:

— Только один человек имеется в Лондоне, да, пожалуй, не только в Лондоне, но и во всем свете, который сможет разрешить эту проблему. Это величайший знаток нефритов. Если вы желаете, я могу свести вас к нему.

Через пять минут они вышли и взяли кэб. Подъехав к небольшому домику на грязной улице Пустынной Долины, они вышли. Им открыл дверь маленький, жирный китайченок. При виде м-ра Пробина он приветливо оскалил свои белые зубы: «Его почтеннейший дедушка Ю-Фенг дома».

Они вошли в заднюю комнату, где застали старого, европейски одетого китайца за чтением «Таймс».

Аннибал отрекомендовал себя старинным другом м-ра Пробина, этот же посл. дний изложил причину их посещения.

Ю-Фенг поставил ящичек с карпами на стол против окна и низко склонился над ними. В таком положении он пробыл не менее пяти минут. Затем он вынул одну из рыбок из ящичка и отложил ее в сторону.

По очереди, одну за другой, он вынимал рыбок, поворачивал их, катал в своих руках и ощупывал их своими тонкими, чувствительными пальцами. Прежде чем положить их обратно в ящик, он взял в руки не вого отложенного карпа и исследовал его подобно прочим.

Положив шесть рыбок в ящичек, он взял в руки первого и произнес с некоторой торжественностью:

— Вот карп Йанг-Цзанга. Это говорят мне мои глаза, мои пальцы говорят мне то же самое. Я всю жизнь желал увидеть его. И вот мое желание сбылось. Ла-Чанг был великий мастер. Более прекрасного карпа не было высечено в свете.

Он подал карпа Йанг-Цзанга Аннибалу, который завернул его в свой нисовой платок и спрятал в карман, остальных же рыбок вновь ззпер в ящике. От прдложенного вознаграждения китаец отказался.

— Достаточно того, что мне удалось видеть карпа Йанг-Цзанга. Теперь в течение нескольких дней я буду удачно вести продажу.

М-р Пробин проводил Аннибала до его конторы и дорогой уговаривал продать ему этого знаменитого карпа. В конце концов, он предложил ему 150 фунтов за одну из копий. Аннибал согласился. Он сознавал, что ему трудно будет отделаться от мягких, но настойчивых просьб Пробина и кроме того, теперь он знал, по какой цене может продать остальных карпов.

Когда м-р Пробин удалился, Аннибал задался целью во что бы то ни стало научиться отличать настоящего карпа от копий.

Я постараюсь выручить значительно больше 100 фунтов

Вначале его глаза ему ничего не говорили. Он стал ощупывать их руками, как это делал Юю-Фенг. Минут через десять он уже стал находить разницу, которая становилась для него яснее и яснее с каждым новым прикосновением.

Покончив с этим делом, он принялся за составление плана продажи. Его симпатии к м-ру Уиппл, а также желание, как можно больше повысить свой комиссионный заработок, являлись значительным стимулом для проявления особой инициативы; прелестное же, но нелюбезное личико мисс Уиппл значительно повышало энергию.

— Ее нужно проучить и проучить каким-нибудь совершенно особым, экстраординарным способом. Такое подозрительное отношение, словно к жулику! И это отношение она старалась внушить и своему дяде.

Легко и быстро можно было продать карпов лишь при одном условии: каждый покупатель должен думать, что он приобретает единственный экземпляр, не подозревая про существование других. На счастье Аннибала, в ближайшее время известный клуб искусств предполагал устроить грандиозную выставку, посвященную древнему Востоку.

Он знал наверняка, что каждый коллекционер, который приобретет карпа, будет держать в секрете свою покупку, чтобы вызвать большую зависть у своих коллег.

На другой день, в 11 часов утра, он стукался в дверь известного коллекционера Карла Спрэнглера. Открывшему дверь слуге он передал как точку, на которой значилось: «Прозрачный зеленый нефритовый карп». Слуга ввел его в гостиную и погасил лампочку своему господину.

Минуты через три появился м-р Спрэнглер.

— Доброе утро! Покажите мне карпа, пожалуйста, мне его! — проговорил он с нетерпеливым волнением.

Аннибал вынул карпа и годал. Глаза м-ра Спрэнглера впились в рыбу, голова задвигалась с выражением одобрения и он воскликнул: „Э, ой! Это нефритовый карп...“, но тут он остановился, видимо, овладел собой и, глядя на Аннибала, произнес:

— Прелестная рыбка... Очень красивая... Я должен показать ее моей жене... Да, да, моей жене.

Аннибал прекрасно знал, что он хочет справиться с указателем, но сделал любезное лицо и произнес:

— Пожалуйста, пожалуйста, я совсем не тороплюсь!

М-р Спрэнглер поспешно вышел. Он вернулся минут через десять. По его сияющему лицу Аннибал понял, что он убедился в подлинности этого карпа.

Прекрасная вещь! — проговорил он, стараясь придать своему голосу бесстрашие. — Сколько вы хотите за нее?

— Я продаю ее по поручению моего друга, м-ра Уиппл, и он совершенно не знает, как ее ценить.

— Уиппл? Родственник этого мошенника коллекционера Уиппл? — вскричал пораженный м-р Спрэнглер.

— Да? Разве он был мошенник?

— Да, и высокой марки! — вскричал м-р Спрэнглер тоном великого осуждения. — Он не задумывался ни перед каким плутовством и мошенничеством, чтобы приобрести желаемый кусочек нефрита. Четыре вещицы он приобрел у меня — четыре вещицы... И если эта рыбка принадлежит ему... — он снова на минуту приостановился и спросил Аннибала о цене.

Пристально взглянув в его лицо, Аннибал спокойно произнес:

— Двести фунтов!

— Но это дикая цена! — воскликнул м-р Спрэнглер.

Аннибал молча протянул руку за рыбой.

Известный коллекционер набавил цену до 50 фунтов. Аннибал немного отодвинул руку назад. Цена дошла до 100 — 150 ф., а Аннибал все еще не убирал руку.

— Двести фунтов! — твердо произнес он.

Получив чек на эту сумму, он вышел, довольный своей удачей.

Сделав саженой сто, он заернул к другому коллекционеру, м-ру Робину. Он застал высокого, приятного на вид господина в прекрасно обставленной комнате, наполненной гостиниой, наполовину курительной.

М-р Робин минут пятнадцать, не меньше, рассматривал рыбу, затем взял с полки книгу и стал вновь рассматривать, справляясь со справочником.

— Эта рыба легко может оказаться подлинным карпом Ян-Цзанга! — произнес он с некоторым изумлением.

— Несомненно, некоторые шансы имеются, но я, конечно, не берусь утверждать это. Китайцы заимаются этим искусством более двух тысяч лет, и я не выдаю эту рыбу за подлинник карпа Ян-Цзанга.

— Следовательно, вы не того ещ! — произнес м-р Робин, улыбаясь.

— Нет, я собираю нефриты. Эту же вещь я продаю по просьбе своего друга, м-ра Уиппл.

В глазах м-ра Робина появился огонек.

— Сколько вы хотите за эту вещь?

Аннибал назвал сумму в полтораста фунтов и без слова получил чек.

Он вышел довольный и сейчас же направился на улицу Пикадилли, где находилась галерея некоего Перси Товардо, богатейшего коллекционера, который в настоящее время снабжал только иностранцев-миллионеров. Аннибал сообщил одному из его ассистентов, что он принес зеленую нефритовую рыбу, имеющую большое сходство с карпом Ян-Цзанга. Молдой человек усмехнулся, но когда увидел же Аннибала в контору и представил его

своему принципалу. Аннибал увидел перед собой человека с водянистыми, тупыми глазами и подбородком бабы-яги. Он взял рыбу из рук Аннибала и стал ее сравнивать с рисунком справочника. Затем взглянул бессмысленными, слегка насмешливыми глазами на Аннибала и произнес:

— Это, конечно, не карп Ян-Цзанга, это копия, сделанная в 18-м столетии. Я могу...

— Почему вы это знаете? — перебил его Аннибал.

— Это уже мое дело! — ответил Товардо. — Но это прекрасная вещь и я могу вам предложить за нее пятьдесят фунтов.

Аннибал протянул руку за рыбой.

Товардо взглянул на него с заискивающей улыбкой.

— Ну, двадцать пять.

Аннибал вновь продвинул руку вперед.

Перси Товардо снова взглянул на него и на этот раз любезная улыбка сбежала с его лица. Его злой рот бабы-яги холодно произнес:

— Не думаете ли пролать за пятьдесят?

— Нечего терять времени...

Сколько вы хотите за нее?

— Ну, сколько же вы хотите?

— Двести фунтов! — произнес Аннибал с раздражением.

— Это абсурд! Сушая нелепость! Двести фунтов за сделанную в 18-м столетии копию нефритового карпа, самое существование которого находится еще под сомнением? — и он сделал движение как бы желая вернуть вещь Аннибалу.

— Если это копия, то во всяком случае 15-го столетия! — произнес Аннибал решительно.

Перси Товардо совершенно преобразился в бабу-ягу. Он рассчитывал нажить на этой покупке шестьсот восемьдесят пять фунтов, теперь же должен был довольствоваться лишь пятьюстами. Это было много хуже, но вдруг счастливая мысль осенила его.

Он напустил на себя вид дракона.

— Прежде чем покупать за такую цену вещь, я должен знать кое-что о ней! — произнес он ледяным тоном. — Я очень был бы вам благодарен, если бы вы сообщили, как этот карп попал к вам в руки.

— Хочется вам или не хочется, мне это совершенно безразлично! — воскликнул с раздражением Аннибал. — Сотни людей в двух шагах отсюда дадут мне с радостью двести фунтов. Я зашел к вам лишь потому, что был вблизи вашей конторы.

Перси Товардо вновь взглянул на него и нельзя сказать, чтобы ласково. Затем с нахлынувшей вдруг на него щедростью произнес:

— Вот что я скажу вам: я даю сто фунтов и еще в придачу художественную вещь из моей галереи, ценностью в двадцать фунтов, которую вы можете выбрать по своему усмотрению.

— Не подойдет! — произнес сумрачно Аннибал.

Вновь уподобившись бабе-яге, Перси Товардо написал чек на двести фунтов и попросил расписку. Аннибал выдал расписку на продажу копии нефритового карпа Ианг-Цзанга. Он знал, что Товардо никому не скажет до поры до времени о покупке.

Он взял такси до банка и, обменяв чек, с чувством капиталиста вложил на свой текущий счет семьсот фунтов.

Его комиссионный заработок за это утро составил более тридцати фунтов, что было совсем недурно. Но когда он выходил из банка, вид у него был озабоченный: чтобы смягчить девушку с золотой головкой требовалась особая встряска.

Первая часть разработанного плана была выполнена прекрасно, но самый блестящий удар был впереди.

Он направился прямо к аукционному залу Блэнкиншоп. Огромный, толстый человек, цветущего здоровья, с черными волосами и густыми курчавыми бровями встретил его. Аннибал показал ему своего пятого карпа, который, по его словам, имел необычайное сходство с карпом Ианг-Цзанга и которого он хотел продать.

Блэнкиншоп сравнил карпа с рисунком справочника и попросил Аннибала оставить ему эту вещь на некоторое время.

Аннибал согласился.

На десятый день он направился на Солнечную улицу, имея в кармане 150 фунтов. Он нашел м-ра Уиппла в подавленном состоянии, ожидающим обычного припадка болезни. Его огорчало также, что племянница не проявляла к нему должного внимания.

Аннибал снова остался пить чай. Снова Мариэль разливала чай и вновь толковала об опутывании старых джентльменов, а затем с невинным видом обратился к Аннибалу с вопросом—много ли у него имеется таких вдовцов, которых он посещает. Не смущаясь холодностью и неприязнью ее тона, он перевел разговор на здоровье ее дяди, которое заметно улучшалось. Затем покровительственным тоном заметил ей, что ее слабость является следствием ее недостаточной о себе заботливости.

Едва сдерживая себя, с глазами полными блестящих искр, она вышла проводить его и, когда он проходил дверь, спросила с недоброй усмешкой.

— А как обстоит дело с нефритовыми рыбками?

— Ах, боже мой, как я стал забывчив! — воскликнул он и вытащил из бокового кармана пачку ассигнаций. — Я принес первые 150 фунтов за этих рыб, чтобы передать их вашему дядюшке, и совершенно забыл про это. Пять процентов полагается за комиссию, следовательно, остается сто сорок два фунта и десять шиллингов.

Он взглянул на нее. Она стояла с открытым ртом, странно расширенными глазами и смотрела с удивлением на деньги. Он вынул из пачки пятифунтовую бумажку, двухфунтовую и десять шиллингов, а остальные передал ей.

— Я попрошу вас передать это вашему дяде! Кроме того, вы можете передать ему, что впереди предстоит большая получка, много большая, я надеюсь. Доброй ночи!

Он направился быстрыми шагами к калитке и когда открывал ее, наполовину обернулся. Она все еще стояла в дверях и смотрела ему вслед. Нужно сознаться, что на этот раз она выглядела не очень пикантно с ее открытым ртом. На следующее утро он получил письмо от м-ра Уиппла, полное горячей благодарности.

Аннибал не хотел являться к Уипплам до тех пор, пока не произойдет самая интересная продажа, какую он затевал через Блэнкиншопа. М-р Карл Спрэнглер, м-р Робин и Перси Товардо—все собрались на аукцион, и самым интересным было то, что каждый из них имел твердую уверенность, что единственным двойником продаваемого карпа является его экземпляр, а потому ему необходимо приобрести этого карпа.

Блэнкиншоп вел дело прекрасно. Каталог не мог вполне утверждать подлинность карпа Ионг-Цзанга, но он внушил большую уверенность и эта уверенность еще больше укрепилась после спича, произнесенного перед началом аукциона.

Надбавка цен пошла быстро. Масса коллекционеров, много богатых купцов, английских и иностранных, представители от Люксембургского и Берлинского музеев присутствовали на аукционе.

Оба коллекционера Карл Спрэнглер и м-р Робинс видели, что здесь пойдет борьба не шуточная. Цена быстро взвинтилась до пятисот фунтов, затем стала нарастать медленнее. Когда сумма дошла до шестисот, оба коллекционера сдались и борьба продолжалась между Люксембургским и Берлинским музеями уже из чисто национальных чувств. Победа осталась за Берлинским музеем, которому достался карп за семьсот пятьдесят фунтов.

Аннибал ликовал. Его последний удар вышел даже более блестящим, чем он рассчитывал.

Когда он выходил из зала, его поймал м-р Робинс.

— Карп продан по такой баснословной цене, на которую совершенно невозможно было рассчитывать! — произнес он.

— Как сказать? Если производить оценку с точки зрения красоты, художественности вещи и древности ее происхождения, т.е. качеств, за которые люди, обычно, платят тысячи, то эта расценка не велика. Но для копии она, конечно, высока!

— Но почему вы думаете, что это копия? — спросил быстро Робинс.

— Потому что оригинал у меня! — произнес просто Аннибал.

— Вы суший дьявол! — воскликнул Робинс, которому Аннибал обещал как-нибудь в своей конторе показать этот оригинал.

На следующий день он разменял в своем банке чек Блэнкиншопа на сумму в семьсот пятьдесят фунтов.

По прошествии трех дней он вынул из банка тысячу сто семьдесят три фунта, пятнадцать шиллингов,—сумму, которую он должен был вручить м-ру Уипплу, за вычетом причитающихся ему комиссионных.

Он, как и рассчитывал, нашел м-ра и м-сс Уиппл за чаем. М-р Уиппл выглядел очень хорошо; на этот раз такая оценка не встретила никаких возражений со стороны племянницы. Они потолковали о здоровье, о действии электрической машины, о дневных происшествиях.

М-сс Уиппл на этот раз не переводила, как обычно, разговора на тему об опутывании вдовых и одиноких стариков. Аннибал также заметил, что ее личико выглядит омраченным какой-то тяжелой думой. Она, видимо, нервничала и старалась избегать встречи с его глазами.

Наконец, м-р Уиппл рассыпался в благодарностях за такую удачную продажу карпа.

Сорок гиней были для них очень приятным сюрпризом. — Но я просил м-сс Уиппл передать вам, что впереди ожидается еще нечто лучшее! — произнес Аннибал.

— О! Это очень приятно слышать! — воскликнул радостно старик. — Мариэль была так поражена получкой этих денег, что могла забыть ваше поручение. Я думаю употребить эти деньги на покупку ей модного мехового пальто. Ей так всегда хотелось иметь его...

— О, это слишком мало для покупки такого пальто! — произнес заботливо Аннибал. — Вот здесь у меня имеется еще добавочная сумма от баланса по продаже пяти карпов — тысяча сто шестьдесят три фунта и пятьдесят шиллингов.

Он передал толстую лачку ассигнаций м-ру Уиппл и заметил, что ротик Мариэль вновь открылся.

М-р Уиппл с растерянным видом взял в руки деньги.

— Но, дорогой мой, вы меня поражаете! — проговорил он заикаясь.

— Это очень хорошая цена за копии Йанг-Цзанга. Но люди так жадны. Шестую рыбку я принес назад. Я подумал, что мисс Уиппл будет приятно иметь у себя двойник образа, хранящегося в Берлинском музее и оцененного в семьсот пятьдесят фунтов. Если же она захочет, я в любое время смогу продать и этого карпа не менее, чем за сто пятьдесят фунтов.

— Как это любезно с вашей стороны! — восхищено говорил старик, но вдруг лицо его омрачилось.

— И вы передаете все деньги, полученные от этой блестящей операции в мой карман, взяв себе только шестидесят восемь фунтов?

— Вы забываете, что помимо этих денег, я являюсь обладателем чудеснейшей рыбы, которая обессмертит мою коллекцию нефритов и кроме того, мне доставило большое

удовольствие услужить вам! — произнес он, подавая шестого карпа Мариэль.

— Это очень, очень мило с вашей стороны, это прекрасно! — произнесла она грустным тоном.

— О, пустяки! — сказал Аннибал.

Он слушал горячие благодарности м-ра Уиппла и с удивлением смотрел на грустное, озабоченное лицо Мариэль, на котором залегла между бровей глубокая складка.

Он неожиданно поднялся, чтобы уходить.

Как обычно, она вышла проводить его до двери. Но полпути она обернулась.

— Я была так несправедлива к вам. Вы должны считать меня каким-то зверем...

— Ничего подобного! — произнес Аннибал. — Наоборот, я думаю о том, какая вы милая, дорогая...

С неподражаемым видом, может быть, отеческим, а может быть, и нет, он вдруг приподнял ее высоко на воздух, поцеловал и вновь опустил на землю.

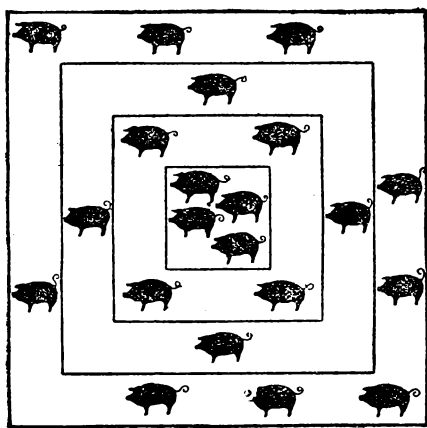
Ее ротик вновь раскрылся, но на этот раз это ее не портило...

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Ллойда.

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ РАЗМЕСТИТЬ ЭТИХ СВИНЕЙ?

Барней О-Мор завернул к своему соседу на скотный двор. «Сколько свиней ты вскармливаешь нынешней весной?» спросил он соседа, заглядывая в свинарник и пытаясь сосчитать животных. — Ровно 21, — ответил его приятель Том Мак-Дан, — и все они отлично жиреют. «Самое подходящее число, — заметил Барней. — Если верить моему знаменитому предку Рори О-Мор, нечетные числа — самые счастливые, следуя совету Рори каждый хозяин должен держать именно 21 свинью, но разделив их на четыре группы так, чтобы в каждом загоне было по четному числу пар и одна нечетная свинья».

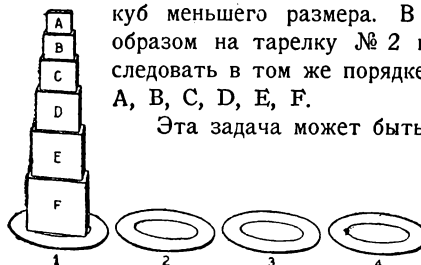
Мак Кан и в самом деле держал своих свиней в четырех загонах. Один загон его хлеба «гнездили» внутри следующего, но размещение в них свиней не соответствовало знаменитому правилу О-Мора.

Каким же образом можно легко переместить свиней так, чтобы, согласно этому правилу, было налицо четыре загона и каждый заключал бы в себе четное число пар и одну нечетную свинью?

Точная арифметика здесь не поможет. Однако, прибегнув к некоторой изобретательности и чувству юмора, вы найдете приемлемый ответ.

ПЕРЕСТАНОВКА ПИРАМИДЫ

Предлагается переставить эту пирамиду из шести кубов с тарелки № 1 на тарелку № 2, переставляя кубы по одному на любую из тарелок, но при этом ни разу ни поставив какой нибудь из кубов на другой куб меньшего размера. В переставленной таким образом на тарелку № 2 пирамиде кубы должны следовать в том же порядке алфавита, сверху вниз А, В, С, D, Е, F.

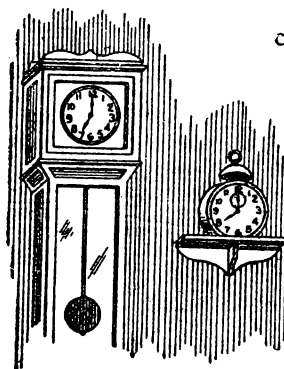

Эта задача может быть выполнена при помощи очень малого количества перестановок. Ваше испытание заключается в том, чтобы быстро определить, какие перестановки легче всего приведут к желаемой цели.

СОСТЯЗАНИЕ ЧАСОВ.

Вчера мои часы вступили в состязание, причем на каждый час правильного времени будильник выигрывал по одной минуте, а дедушкины часы теряли по 2 минуты. Их соревнование закончилось сегодня, когда будильник прозвонил 8 часов, а дедушкины часы отбили 7.

Кто скажет, в котором часу началось вчера их состязание?

ДРАМА В УЩЕЛЬИ

Рассказ Е. Кайзера.

Локомотив поезда показался при повороте в ущелье и маленькая станция немного ожила. Арабы привязали своих лошадей и ослов и приблизились.

Начальник станции Ревиль разговаривал с вожатым старого дилижанса, стоявшего за шлагбаумом.

Несмотря на ветер, свирепо трепавший акации на набережной, большинство пассажиров поезда вышло на платформу. Это были: рабочие из рудников, туземцы, дрожащие от стужи в своих бурнусах землистого цвета, несколько стрелков, три офицера. Медленный ход поезда действовал на нервы, а впереди еще предстояла долгая езда до плоскогорья, потому всем хотелось размять ноги в течение четверти часа, пока локомотив запасался водой и топливом.

Три араба и солдат-отпускник протянули свои билеты Ревилью и прошли на станцию.

Тогда молодой человек оставил кучера и направился к багажному вагону.

— Что нового со вчерашнего дня, господин Ревиль? — спросил кондуктор.

— Какие новости могут быть, когда живешь в пустыне, среди скал, где единственным развлечением служат циклоны, сменяющиеся наводнениями. В Алжирских горах нет ничего скучнее декабря месяца. Там внизу, вероятно, хорошо?

— Море бурно, но солнце сияет.

Ревиль повернулся к входу в ущелье, где вдали внизу виднелся лес пробковых деревьев.

— Я всего в пяти часах езды от берега, но я дальше от него, чем если бы я был в Уарбле. Там у них свет, тепло, жизнь. А я один в этой хибарке, которую осмеливаются называть станцией...

— Но, господин Ревиль, вам нужно выдержать стаж. Молодым нужно сначала брать плохие места, а затем последуют Бон, Гельма, Филлепиль, Алжир. Да, кстати, из рудников никто не спускался сюда?

— Дождь размыл путь. В продолжение трех-четырех дней я не увижу никого сверху.

— Дело в том, что у меня деньги для них.

— Чорт возьми, это важно.

— Я вам дам квитанцию, как обычно. Никто не будет знать, что станция вдруг разбогатела — на двести тысяч. Молодой человек задумался.

— У вас есть еще что-нибудь для меня?

— Да, вот этот мотоциклет и два гроба.

— Два гроба? Как так, в фургоне? Это против правил...

Бурно рассмеялся.

— Это я называю их гробами, потому что у них такая форма. Это ящики с инструментами.

— Для кого?

— «Антонио Ибаньес», — на вашу станцию.

Ревиль вошел в фургон и осмотрел ящики. Действительно, с первого взгляда их можно было принять за длинные туземные гробы, сделанные из грубых досок.

Тяжелые ящики один за другим были перенесены в комнату, служившую в одно и то же время конторой, телеграфом и багажным отделением.

— Хороший мотор, — сказал молодой человек, ставя на пол мотоциклет и осматривая его через редкую ткань упаковки.

— Совсем новый, резина на колесах еще совершенно чистая. Для кого?

— Еще раз: «Антонио Ибаньес», — на вашу станцию... У вас нет груза для меня, Ревиль?

— Нет.

Локомотив поезда, отдохнувший и запасшийся топливом, готов был ползти по новым кособогорам. Ревиль дал сигнал. Пассажиры сели и поезд исчез.

— Вы знаете Антонио Ибаньес? — спросил начальник станции у кондуктора дилижанса.

— В ближайших деревнях не было ни одного испанца с такой фамилией.

Молодой человек задумчиво смотрел, как уезжал тяжелый автобус. Арабы снимали свои сандали, предпочитая идти босиком по дорожной грязи. Всадники были уже далеко, остался только кабил, исполнявший обязанности служителя, стрелочника и ламповщика. Свою работу он уже закончил и только через двенадцать часов станция должна была снова ожить на четверть часа при обратном возвращении этого же поезда, пыхтение которого еще доносилось из глубины туннеля.

— Что? Больше нечего делать? — спросил служитель, живший в деревне в трех километрах от станции.

— Нет, можешь идти.

В ущельи остался только молодой начальник станции. Хотя бы туземцы прошли по дороге! Но уже спускалась ночь и кабилы предпочитали сидеть у себя в горах. Ливень усилился и начальник станции, войдя в контору, прикрыл дверь. Сев около стола, он взял книгу и пытался читать, но безуспешно.

— Один, совсем один, и сидеть без дела до завтрашнего дня!

Но Ревиль не принадлежал к людям, легко поддающимся тоске, навеянной непогодой. Желая встряхнуться, он встал, взял из своего ящика тяжелый конверт, предназначенный директору рудников.

— Больше двухсот тысяч франков. Чорт возьми! Вот если бы знали бандиты...

Он громко рассмеялся над этой мыслью. Машинально он дотронулся до своего браунинга, тот был не заряжен. Все патроны он истратил на стрельбу в цель.

Он снова сел и хотел думать о Франции, но его охватило смутное беспокойство.

— Этот бурно испортил мне настроение своими гробами.

И действительно, эти два ящика вызвали в нем тревогу. В сумерках, окутавших комнату, они казались настоящими гробами.

— Что за дикая мысль придумать такую упаковку...

Ревиль открыл наружную дверь. Дождь падал тяжелыми каплями и мрак спустился над ущельем. Он закрыл ставни, зажег лампу и принялся за ужин, приготовленный кабиллом. Но проглотив несколько кусков, отодвинул тарелку. Его грудь сжималась от тоски. С самого начала зимы не было такого тяжелого и унылого дня, как сегодня. Его мысль с упорством возвращалась к странному багажу, привезенному дилижансом.

— Антонио Ибаньес... Никто не знает такого имени. Если это служащий в рудниках, то не послали бы этот багаж на станцию. Может быть, новый, который должен завтра приехать с поездом. Что же, он хочет здесь кататься на мотоцикле?... Он осматрел машину, потрогал ее.

— Только сейчас из магазина... Два цилиндра. Сиденье для спутника. Приятно бы прокатиться! — Он оперся на резервуар, чтобы лучше осмотреть мотор. Ревиль испачкал себе руки. — Бензин! Значит, резервуар наполнен... Это странно... — подумал он.

Сегодня он был в беспокойном настроении. Тревога, охватившая его с момента отхода поезда, все росла.

— Зачем торговец наполнил бы резервуар совершенно нового мотора?

Снова его внимание направилось к гробообразным ящикам. Он подошел, сел на один тук около них и стал их осматривать, сясь разгадать, какие инструменты они могли содержать.

Он сидел неподвижно в продолжение десяти минут. Ничто не нарушало гнетущего безмолвия комнаты, окутанной мраком непогоды, как погребальным саваном.

Вдруг дрожь пробежала по его телу.

— Да, именно у этого ящика...

В ящике слышался шорох, шорох жизни... Как будто, кто-то шевельнулся.

Ревиль весь побледнел от страха... Сердце усиленно билось...

— Двести тысяч франков... Мотоциклет, могущий увезти двоих... наполненный резервуар... и эти два ящика, оба обитаемые... Их крышки могут приподняться через секунду, а он совсем один и браунинг без патронов... Затаив дыхание, он прислушивается. Шорох продолжается. Конечно, они думают, что он ушел. Теперь нет никаких сомнений... Он сжал кулаки. Перед лицом действительной опасности он воспрянул духом.

Ревиль встает осторожно, без малейшего шума, могущего выдать его присутствие. Делает несколько неслышных шагов и потом, потянувшись, говорит громким спокойным голосом:

— О, как уже поздно...

Он знает, — если крышка подымется, он будет мертв. Холодный пот выступает у него на лбу...

— Ах, как я хочу спать, — говорит он, громко зевая. Его глаза не отрываются от ящиков, где спрятаны бандиты, которые удержат на мотоцикле, предварительно убив его и захватив деньги...

Он садится к телеграфу и лихорадочно посылает депешу на ближайшую станцию, где есть запасный паровоз. Если он сможет продержаться два часа, он спасен...

Два часа! Никогда бандиты не подарят ему их... Им нужно воспользоваться ночью, чтобы проехать большое расстояние, необходимое для их безопасности...

Молодой человек нервно вертит в руках пустой браунинг. Он не будет иметь времени, чтобы пробить голову врагу этим прикладом. Если бы был хоть один гроб. Но в то время, как он нападет на одного, другой подымет крышку своего гроба и всадит ему пулю в голову.

— Хотя бы одного из них лишить возможности открыться! — Мелькнула у него мысль.

Увы, ничего, даже мотоциклет не настолько тяжел, чтобы им надавить снаружи и парализовать усилия открыть ящик изнутри.

Он знает, что этот удар молотка означает начало борьбы. Наконец, он нажимает на стальную головку гвоздя и ударяет молотком со всей силы. Гвоздь, пройдя доску, проникает в боковую стенку больше, чем на сантиметр. Второй удар и крышка забита. В это время ящик весь сотрясается от внутреннего толчка. Но уже поздно, второй гвоздь уже забит. Еще два и бандит будет в плену. Из ящика кричит голос:

— Выходи, Мишель, сбрось его. Он забивает меня...

Ревиль лег на ящик. Он чувствует толчки из-под низу. Сможет ли тяжесть двух тел противостоять силе, вызванной отчаянием?

Из нижнего ящика раздается голос:

— Стреляй через доски...

Этот удар молотка означает начало борьбы.

— Буду ли я жив еще через несколько минут? — спросил он себя. Но у него хватило еще мужества напевать вполголоса вальс.

Вдруг у него в голове созрел план. Он берет из ящика с инструментами молоток и большие гвозди. Он срывает с крючка веревку и опоясывается ею. Он прекращает пение.

— Какой беспорядок, чорт возьми... — говорит он громко. — Завтра нельзя будет поставить здесь новый багаж. Ну, потрудись немного, старина Ревиль. Этот тюк на этот... Теперь этот мотор, его поставим перед этим ящиком с бисквитами. Теперь эти гробы. Бурно мог бы поставить их один на другой. Ну, попробуем...

Ему удалось поднять один ящик и навалить его на другой. С молоточком в руках он осматривает внимательно крышку ящика. Он находит с левой стороны два шарнира, замазанные краской. В ящике не слышно шороха. Его рука ощупывает правую сторону. Он находит место, куда он одним ударом может забить гвоздь, чтобы задержать на минуту открытие гроба.

— Вот...

Но он должен остановиться, так как его рука дрожит.

— Я не могу шевельнуть руками. Постарайся нас опрокинуть...

Крик бандитов отзывается в ушах Ревиль. Он старается вбить новые гвозди, так как чувствует, что прежних недостаточно. Молоток ударяет раз и еще раз.

Между тем, положение становится все более затруднительным. Под тяжестью толчков из нижнего ящика, верхний смещается. Вот он скоро упадет. Еще один гвоздь.

С последним ударом молотка ящик сползает вбок. Крышка нижнего подымается. Неужели смерть?

Один прыжок и Ревиль уже на этом гробе. Он его обхватывает руками. Крышка опускается. Но он чувствует, что силы его падают. У него нет точек опоры. Он должен напрячь все свои мускулы. Через несколько минут он ослабеет.

Если бы он мог обвязать его веревкой! Ногтями левой руки он уцепился за обшивку ящика, а правой старается распустил веревку. Снова усиленный толчек и крышка приподнимается. Если бандит сможет двигать руками, то неизбежен выстрел револьвера. Молодой человек напрягает все свои силы и ему удается снова закрыть крышку. Ревиль старается подвести веревку под ящик. Если ему это удастся, он спасен. Если же нет, смерть его отсрочена всего на несколько минут. Паровоз с ожидаемой помощью придет не раньше, как через полчаса.

Надавливая крышку коленями, он натягивает веревку двумя руками, потом быстро опрокидывает ящик.

Победа! Он несколько раз обматывает ящик веревкой и затягивает узел. Теперь он победил. Бандит, чувствуя себя связанным, изливает свой гнев и отчаяние в хриплых криках, подобно дикому зверю, попавшему в западню.

— Я буду жить!.. — Единственная мысль мелькнула в голове Ревиль и он упал без чувств.

Приехавшая с паровозом полиция нашла молодого человека в бесчувственном состоянии, лежавшим поперек ящика, с руками, судорожно вцепившимися в веревку.

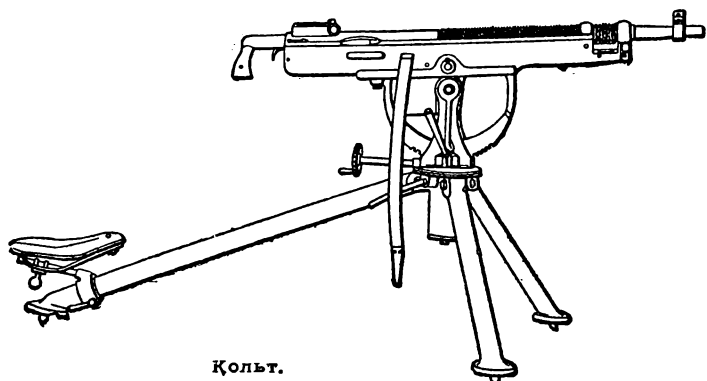
ПУЛЕМЕТЫ

Пулемет — огнестрельное оружие, которое дает возможность в короткий промежуток времени выпускать огромное число пуль.

Мысль о создании подобного оружия стала приходить на ум военным людям еще в XIV—XV столетиях, и во всех войнах вплоть до русско-турецкой войны 1877—78 г.г. мы видим в большинстве сражавшихся армий всевозможные «сороки», «органы», «картечницы», «митральезы» и т. п. боевые машины, служившие прообразом современного пулемета.

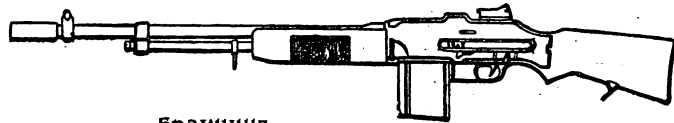
Пулемет в теперешнем значении этого слова появился впервые в 1883 г., изобретенный в Англии инженером Максимом и приобретший впоследствии такую громкую известность. Первоначально пулемет Максима был принят в английской армии для надобностей ее колониальных экспедиций, а затем уже перешел на вооружение многих иностранных армий, в том числе и русской.

Особенностью пулемета Максима, этого патриарха всех современных пулеметов, является совершенно новый принцип, положенный в основу его устройства — использование силы отдачи после выстрела для автоматического открывания затвора, ввода в канал ствола патрона, выбрасывания после выстрела пустой гильзы и т. д., в том же порядке. Все это происходит с огромной быстротой — до 500 выстрелов в минуту.

Кольт.

За пулеметом Максима, вызвавшим всюду громадную сенсацию, последовали пулеметы других систем, которые хотя и отличаются один от другого своим устройством, но имеют одинаковую, присущую всем системам, автоматичность действия. Таковы пулеметы Шварцлозе, Кольта, Гочкиса, Виккерса, Браунинга, Льюиса и др. Все они делятся на два вида: тяжелые — на станках с колесами или на треногах — и легкие «ружья-пулеметы» (рис. № 1 и 2). Главными представителями пулеметов у нас служат пулеметы Максима и Кольта — станковые и Льюиса — ручной.

Браунинг.

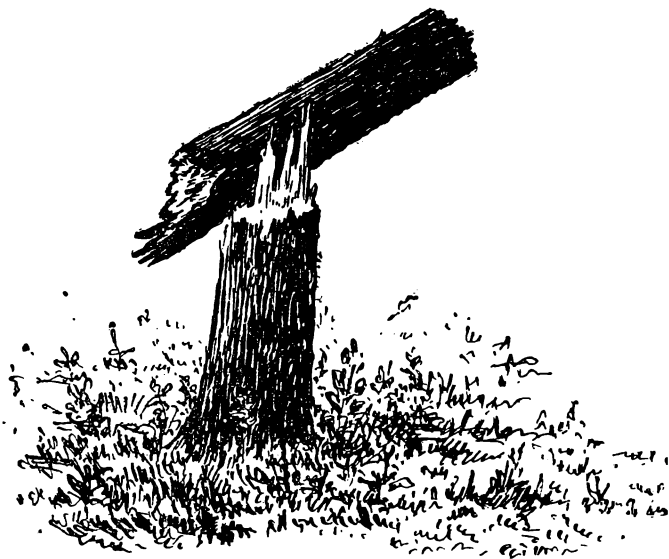
Наибольшая выгода пулемета — его меткость и скорость стрельбы. Пули пулемета при максимально-частой стрельбе несутся по воздуху в виде сплошного потока свинца, сметая все, попадающее им на пути (рис. № 3). На нашем рисунке изображено дерево после стрельбы по нему из пулемета Максима с дистанции 150 метров, при чем было выпущено 250 пуль.

Затем — пулеметы чрезвычайно подвижны и удобоприменимы к местности. Пулемет, поставленный на станок с низкими колесами, очень легко передвигается двумя людьми и малозаметен для неприятельских глаз (рис. № 4). Велико также и моральное действие пулемета при стрельбе — он подбадривает своих и утнемает врага своей отчетливой, непрерывной, словно бесконечной трескотней.

Пулемет дает до 600, а новейшие системы до 700 выстрелов в минуту. Энергия, развиваемая пулеметом при 700 выстрелах в минуту, равна 70 лошадиным силам. Сила огня одного пулемета соответствует огню приблизительно взвода пехоты, при чем взвод занимает в бою ок. 250 метров, в то

время как пулемет 2—3 метра. Таким образом, получается огромная экономия и людей, и пространства.

Пулеметы допускают большое разнообразие стрельбы: можно стрелять одиночным огнем, выпуская по одной пуле

с расстановкой, а можно вести и автоматический ураганный огонь. Кроме того, пулемет дает возможность стрелять по желанию либо по одной точке, например, по пулеметному «гнезду» противника или по небольшой группе людей, либо — с рассеиванием — «поливая» свинцом площадку местности.

Вся сила, все значение пулемета состоит в том, что он дает возможность обрушиваться на врага короткими, сильными, сметающими все живое, вспышками. Во время нашей гражданской войны не редки были случаи, когда горсть пулеметчиков с 2 или 3 пулеметами, занимая железнодорожную станцию или группу домов, выгодно расположенных в центре деревни, в течение целого дня, до наступления темноты, удерживали деревню в наших руках. Противник, наступая, медленно приближался к деревне; еще немного — и он ворвется в деревню. И как раз в этот момент красные

пулеметчики, все время не спускавшие глаз с врага, обрушивались на него ураганом свинца и противник, неся огромные потери, поспешно отходил назад.

Мировая война 1914 — 18 г.г. наглядно показала все ценное значение пулемета. Эта война послужила той гранью, которая отделила раннюю эпоху развития пулемета, эпоху так сказать пробы пулемета в различных условиях войны, от новой эпохи его развития, когда пулемет стал главным и совершенно необходимым оружием пехоты. «Насыщение», как принято говорить, пулеметами пехотных частей после войны приняло огромные, с довоенной точки зрения, размеры. Почти во всех армиях Европы, в том числе и в русской, до мировой войны было лишь по 6—8

пулеметов на полк. Но уже в середине войны это количество пулеметов было признано недостаточным и, например, в Германии, в 1916 году мы видим при каждом из 3 батальонов пехотных полков по одной пулеметной роте из 6 пулеметов, и затем число пулеметов все росло и росло. Теперь насыщенность пулеметами пехотных, да не только пехотных, но и кавалерийских частей, очень велика. В достаточной мере снабжена ими и наша Красная Армия.

Универсальность пулемета в современных армиях огромна. Мы видим пулеметы не только в пехоте и коннице; ими снабжаются и артиллерийские батареи для самозащиты, и всевозможные технические войска — саперные, понтонные, железнодорожные... Пулеметами вооружены танки, броневые автомобили, дирижабли, аэропланы. На Западе имеются системы аэропланов, на которые устанавливаются по 20—30 пулеметов. Эти аэро-пулеметы устроены так, что огонь всех пулеметов можно сосредоточивать на одной какой-либо точке, можно комбинировать для обстрела нескольких точек, можно, наконец, равномерно, распределять огонь по большой площади. И все эти, манипуляции производятся... одним человеком.

Первым после мировой войны вопросом в области пулеметного дела, кроме увеличения количества пулеметов в войсках, явился вопрос об увеличении их скорострельности. Во всех современных системах пулеметов скорострельность доведена уже до предела, поэтому, чтобы добиться еще большей скорострельности, необходимо вырабо-

тать совершенно новую систему пулемета, т.-е. в основание его устройства положить новый принцип. Этим вопросом и занялись военные специалисты Запада после войны. После целого ряда неудачных попыток создать электрический пулемет или пулемет, стреляющий при помощи упругой силы газов (заключенных в баллоны в жидком или сжатом состоянии), остановились на системе пулемета, работающего силою бензинового мотора. В этом именно направлении и ведутся теперь опыты на Западе.

Следующий вопрос, это — уменьшение веса пулемета. Большинство современных пулеметов, в особенности станковые — тяжеловаты, что влечет за собою отставание их от пехоты при наступлении. Известный французский знаток пулеметного дела, Девуж, говорит, что для того, чтобы «всюду сопровождать свою пехоту и не отставать от нее, необходим пулемет, калибром ок. 7 мм. весом не более 9 кг, который бы позволил вести стрельбу на ходу». При быстром росте современной военной техники, надо полагать, что эти пожелания французского специалиста будут осуществлены в очень близком будущем.

Самыми современными типами пулеметов, в которых осуществлены все новейшие достижения техники, служат пулемет Брикса образца 1921 г., введенный на вооружение итальянской армии (калибр 6,5 мм вес 12 кг), дающий возможность вести огонь на ходу, и ружье-пулемет Гочкиса образца 1922 г., весящий 8½ кило, который принят в бразильской армии.

С. Бартенев.

ЧУДОВИЩНОЕ ДЕРЕВО

Кому неизвестна наша северная болотная росянка? Уродливое низенькое растение с сердцевидными листочками на длинных тонких стеблях часто попадает на болотах, на сырых и топких местах. Его листья, покрытые короткими волосками, придающими ему еще более отвратительный вид, — настоящая ловушка для мелких насекомых. Как только неосторожная муха, паук или жучек, дотронется до одного из его волосков, как лист моментально захлопывается, поглощая свою жертву. Когда через несколько часов лист раскрывается вновь, то из него упадет на землю только шкурка насекомого. Все внутренности высосаны маленьким зелено-серым кровопийцей.

В далеких тропических лесах, где на жирной, веками прогреваемой горячим солнцем земле, в удушливом, тяжелом воздухе вырастают деревья гиганты, гибкие, цепкие, крепче веревок лианы, огромные яркие цветы без запаха, где плоды издают дурманящий аромат, где от густого, столетиями накопленного, обильного водой перегноя поднимается желтая лихорадка, наша скромная росянка принимает гигантские размеры.

Уже не маленькие мухи и пауки служат пищей этому растению, а оно, предательски распустив красивую чашечку своего цветка, наполненного прозрачной влагой, подкидывает обманутых мелких птиц и зверьков. И печальная участь ожидает неосторожного, рискнувшего приблизиться к этим тропическим родственникам росянки.

Но находка, сделанная несколько времени тому назад на о-ве Мадагаскаре одним американским ботаником, далеко превосходит самые фантастические вымыслы.

В глубине до сих пор необследованных лесов Мадагаскара он нашел чудовищное растение — людоеда и ему пришлось даже присутствовать при съедении этим растением человека.

Это страшное дерево-людоед представляет из себя низкий ствол с отходящими от него несколькими огромными, стелющимися по земле листьями. Эти листья достигают длиной до 4 м. и шириной превышает метр.

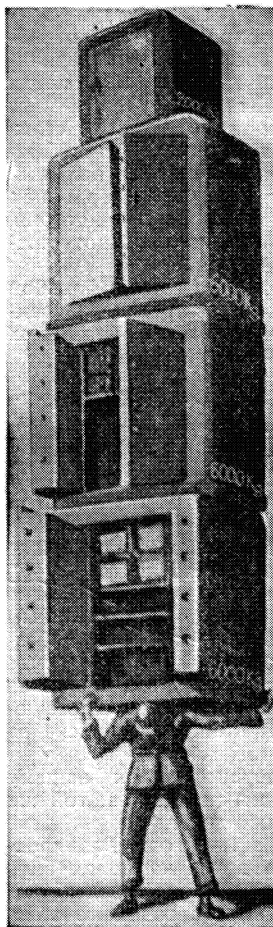
Одно из диких племен, живущих на Мадагаскаре, справляло какую-то религиозную церемонию в то время, когда его посетил американский ученый.

Приговоренную подвели к этому дереву, — описывает путешественник эту жуткую сцену. — Завязав ей руки и ноги, ее длинными шестью с острыми копытами на концах стали подталкивать к растению. Несчастная, упираясь, мелкими шажками подходила к нему, больше всего видимо боясь дотронуться до листьев. И когда, наконец, она случайно задела за один из них, они все, словно на сильнейших пружинах, взлетели вверх, и с сильным шумом, заглушившим крик жертвы, захлопнули ее.

Через 10 дней, когда листья упали вновь на землю, от несчастной осталась только идеально чистый скелет. Ее буквально сожрало, высосало страшное дерево.

НЕВИДИМАЯ НОША

Кто этот богатырь, который несет на себе чудовищный груз из четырех несгораемых шкафов общим весом в 20 тонн? Это вы, читатель! вы постоянно носите на себе эту тяжеловесную ношу, сами того не подозревая. Только состоит она не из плотной стали, а из невидимого воздуха. Вы знаете, что на каждый квадратный сантиметр земной поверхности в всех вещей на ней приходится один килограмм из общего веса атмосферы. Но ваше тело имеет поверхность не в 1 кв. см, а в 2 кв. метра, т.-е. в 20.000 кв. см. Значит, оно находится под давлением 20.000 килограммов, или 20 тонн. А это и есть вес тех четырех стальных шкафов, которые изображены на нашем рисунке.

Но, почему же этот чудовищный груз не раздавливает нас? Потому, что он давит на наше тело не только снаружи, но также и изнутри: давление наружного воздуха передается с такою же силою внутрь нашего тела через заключающийся в нем воздух и жидкости. А равные и противоположные силы уравновешивают друг друга. По той же причине и рыбы, живущие в глубине океана, не ощущают огромного веса, стоящего над ними столба воды; на глубине одного километра это давление в сто раз превышает обычное атмосферное давление. Но, если рыбу быстро извлечь из этой глубины на поверхность воды, где давление газов и жидкостей внутри их тела не равно давлению окружающей воды или воздуха, то рыба разрывается изнутри, а нередко даже внутренности ее выпячиваются наружу под действием внутреннего давления.

ОВОДЕ

Очерк проф. В. Тимонова.

ЦЕПИ СВОБОДЫ.

Если вы были в Италии и побывали в Пизе, то посетили, наверное, и знаменитое кладбище Кампо-Санто. Итальянцы сумели сделать из обители смерти чудный музей. Но взгляд любующегося зрителя вдруг невольно останавливается на странном зрелище. Посреди статуй и картин висят толстые цепи, покрытые слоем вековой ржавчины. Что это? Для чего они здесь? С какого мертвеца сняты эти цепи?

Легенда и история отвечают и на эти вопросы.

Пизанцы заграждали цепями реку Арно, у устья которой лежит Пиза. Выше по течению этой же реки находится Флоренция, а ниже — Лигурийское море. Препграда, создаваемая Пизой свободе судоходства, была не по сердцу соседям. В 1362 году Генуэзцы после жарких схваток отобрали у пизанцев их речные цепи и часть их подарили своим друзьям — флорентинцам.

Пять веков цепи были у победителей и только в 1860 году, когда никаких сомнений относительно беспрепятственного плавания по реке Арно больше не было, цепи возвратили Пизе, чтобы похоронить на ее священном кладбище.

ЗНАЧЕНИЕ ВОДЫ.

Рассказанный короткий эпизод может служить иллюстрацией политического и международного значения воды. Рассмотрим же это значение в нескольких отдельных направлениях, останавливаясь: 1) на воде, как веществе; 2) на воде, как среде; 3) на воде, как пути сообщения; 4) на воде, как источнике энергии.

ВОДА ДЛЯ ПИТЬЯ.

Вода для непосредственных, необходимейших потребностей жизни. Это, конечно, самое древнее, самое первичное применение воды. Оно началось для человека, когда он еще не был им, на заре его зарождения.

И как рано эта вода, без которой нет жизни, стала поводом к борьбе, к соглашениям, к распри и к кооперации — все больших и больших групп людей. В больших и малых масштабах, в поселках и городах, в районах и странах мы находим, в легендах и на страницах истории, яркие указания на роль питьевой воды во взаимоотношениях людей.

Целые периоды жизни человечества отмечены борьбой за воду или борьбой посредством воды. В древние и средние века она являлась важным стратегическим фактором. А вот пример из новейшей истории.

ДВА ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗ СИНАЙСКУЮ ПУСТЫНЮ.

Он охватывает собой два эпизода.

Один теряется во тьме времен и граничит с легендой. Другой есть реальный факт недавнего времени.

Место действия для обоих — пустыня между Египтом и Палестиной.

Первый эпизод описан в Библии, как исход еврейского народа из страны фараонов. Руководимые Моисеем евреи ушли искать обетованную землю и с первых же шагов своего пути по пескам пустыни встретились с мучительным вопросом о воде. Взятые запасы иссякли. Вокруг был безбрежный песок и голые скалы. Солнце бросало жгучие лучи. Страдал целый народ. Его спас Моисей, извлекший из земли скрытые в ней воды и создав источник, существующий и поныне под именем источника Моисея недалеко от теперешнего Суэца.

Если от глубочайшей древности перенестись к нашему времени, к XX веку нашей эры, то мы найдем в той же пустыне пример другого перехода масс людей.

Шла мировая война, начавшаяся в 1914 году. Разъяренные волны людей кидались друг на друга на полях битв в Европе, Азии и Африке. Боевые суда сражались над и под водой и нападали на беззащитные торговые корабли. В воздухе летали дирижабли и аэропланы, закидывая войска и мирных жителей бомбами. Ветер разносил удушающие газы, изобретенные величайшими учеными в лабораториях Европы и Америки. Кое-где уже трепетала новая невидимая смерть, неся с собою смерть, слепоту, сумасшествие.

В это время среди других действий большого размаха, главный дирижер мировой бойни или, во всяком случае,

наиболее искусный из ее артистов, — Германия — предприняла совместно с Турцией поход на Суэцкий канал, базируясь на Палестину. Англичане однако, во время узнали об опасности и вполне оценили ее значение. Они не стали ждать противника у берегов Суэцкого канала,

Асуанская плотина на р. Ниле, образующая гигантское оросительное водохранилище.

а пошли ему навстречу через пустыню. Водяной вопрос стал здесь очень остро. Но английское командование решило его с простотой, доступной технике и материальным ресурсам XX века. Англичане повели за собой воду Нила, повели ее по трубам на всем протяжении перехода через пустыню.

Вместе с тем они строили железную дорогу.

Боевые столкновения произошли и привели к окончательной победе англичан, имевших за собой огромное преимущество вполне обеспеченного снабжения войск питьевой водой. Турки и немцы отступили. Иерусалим был взят без боя, и Англия водворилась в Палестине, гордясь тем, что 18-й захват Иерусалима европейскими войсками, в отличие от всех 17-ти предшествующих, относящихся ко времени крестовых походов, не сопровождался не только гибелью людей, но даже повреждением каких-либо памятников старины.

И благодарная легенда пришла здесь для объяснения этого успеха.

Легенда эта турецкая, древняя, и говорит о глубокой вере турок в свое могущество. Земли, принадлежащие им, у них и останутся, в том числе и Палестина, где находятся и их великие святыни. «Пока Нил не потечет в Иерусалим, Палестина будет турецкой», — так говорит легенда. И вот невозможное свершилось. Благодаря англичанам Нил потек в Иерусалим. Правда, он потек тонкой струей по водопроводной трубе. Но сила этой тонкой струи была достаточна, чтобы подорвать веру в себя фанатических масс; питьевая вода во взятии Иерусалима сыграла не одну материальную роль.

Вода и рыбная ловля! Вода и звериные промыслы!

Сколько можно было бы сказать по этому предмету. Ведь такое использование воды является после питьевого — древнейшим; оно предшествовало самому примитивному судоходству. И в какие сложные формы оно развилось впоследствии! К каким политическим конфликтам оно приводило! Не рыбный ли вопрос лежит в основе борьбы России с Японией? Если бы Япония не нуждалась в большей свободе рыболовства в наших водах, быть может легче удалось бы избежать столкновений на Дальнем Востоке. Если бы не было неудачной войны с Японией, то не было бы революции 1905 года и надолго отодвинулась бы революция 1917 г.

Такие крупнейшие события мировой истории имеют несомненную связь с путями следования рыб в морях Тихоокеанского побережья, а эти пути в свою очередь, связаны со свойствами самих водных сношений.

ВОДА И ОРОШЕНИЕ.

Если мы направим наше внимание в сторону значения воды в деле орошения, то найдем ряд примеров борьбы из-за воды между родами, племенами и даже странами.

Дочерк Лесника

Орнитологи в толстых книгах утверждают, что вальдшнепы, как прилетая весной, так и отлетая осенью, летят в одиночку. Возразить против тяжеловесных сочинений нечего: ученым авторам все известно. Можно их только пожалеть: очевидно, никому из них не улыбнулось счастье попасть на высыпку вальдшнепов.

Лесной кулик всю жизнь проводит под пологом ветвей; в течение того времени, когда он перелетает с севера на юг, он населяет на очень короткий срок ровные, почти открытые болота. У вальдшнепа нет ни одного признака лесных птиц, наоборот, все привычки, вся наружность его чисто куличьи. Длинноносый, отличный бегун, он свой корм достает только из влажной земли, не трогает ни одной ягоды, не может сесть на дерево и — живет в лесу, там выводит детей, гнездо, свитое по-куличьи на земле, устраивает под хворостом. Когда, зачем, почему он, кулик, попал из болота в лес? Осенний его вылет на гладь болота, что такое — случайная прогулка или темное воспоминание о бесконечно-далекой прежней жизни?

Отрицать такой вылет напрасно. Он происходит ежегодно в почти неуловимые сроки, не придумать, с какой целью, иногда на три-четыре часа и нельзя сказать, чтобы на одних и тех же местах. В одиночку? Пусть. Против орнитологии не поспоришь. Но невозможно опять-таки отрицать, что длинноносых одиночек иной раз собирается на небольшом болоте довольно много... Что ж, летят над лесами по одному и, завидев подходящий лужок, слетаются, сговариваются провести там некоторое время и опускаются уже сообща. Так, чтобы один, сидя в болоте, подзывал отдельных пролетающих, — нет, так не бывает. Высыпка, как всякое счастье, сваливается человеку на голову вдруг, в миг... И охотник с неожиданным восхищением убеждается, что крупная носатая птица, степенно стрекнув крыльями, без крика поднимается «свечкой», летит прямо, даже в случае двух пуделей летит недалеко и спокойно усаживается на отлично видную кочку, где, конечно, исчезает. Однако, там, около кочки, при самом тщательном осмотре, никого не оказывается: длинноносый хитрец уже крепко сидит в ближайшем кусте, вероятно, проклиная открытую гладь.

Это не значит, что по дороге к кусту также никого нет: тут легко поднять с таким же степенным стреканьем нескольких одиночек... И, наперекор орнитологии, охотник начинает палить, как палит только на высыпках в те ясные дни, когда длинные нити белоснежной паутины медленно тянутся в воздухе, свежем, чистом, холодноватом, но еще полном благоуханий от срезанных и отцветших трав.

В такой день некто с ружьем и сумкой шел через почти сухое болото из одной деревни в другую для того, чтобы нанять там довольно скверную собаку, итти с ней к трем известным выводкам тетеревей. Когда тот вальдшнеп, что после двух пуделей сел на кочку, а с нее убежал в куст, свесил носатую голову с кожаного пояса охотника в обществе двух таких же длинноносых красавцев, как и он, охотник, повидимому, очень хладнокровно вынул из сумки довольно длинную веревку, которой предполагалось сдерживать нелепые скачки невежи-собаки, привязал эту веревку к своей правой ноге и принялся не

спеша шагать по болоту из края в край. Он уже видел разные виды в своей жизни, этот охотник! И ближайшие последствия доказали, что он был в значительной степени прав. На его поясе скоро оказалось четырнадцать вальдшнепов — редкая, великолепная добыча — но патронов не осталось ни одного из тридцати, — какая горестная ошибка! — а за веревкой, волочившейся между кочками, то и дело слышалось еще стреканье по одиночке взлетающих вальдшнепов. Тогда охотник, сняв веревку с сапога, побежал в деревню, вернулся с патронами и с довольно скверной собакой; все это заняло не очень много времени, часа три не больше, но... В пустом болоте, обскрыв каждую кочку, каждый куст, собаченка нашла лишь трех подранков. А не поврежденные вальдшнепы исчезли. Все улетели. По-одиночке?! Пусть, пусть... Время-то у них на то было.

Куда улетели они, это осталось неизвестным, а весь случай произошел близ деревни Которово, Петриловской волости, Лужского уезда, двенадцать лет назад.

На Урале же в канцелярию Верхотурского лесничего немного позже однажды вбежал мальчишка и закричал:

— Дяденька, кулики прилетели!.. Доктор уже ходит.

Точнейшими исследованиями затем установлено, что в этот день по болоту, тянувшемуся на окраине городишка, шагали четыре человека, из коих два очень больших, а два совсем маленьких. Большие стреляли из ружей, а маленькие носили мешки. Стрельба кончилась вследствие наступления темноты. Сколько было сделано выстрелов, сколько вальдшнепов убито — известно, но оглашению не подлежит, чтобы не встать уже в непримиримое противоречие с орнитологией: столько не может быть одиночек. Впрочем, там на Урале, в неизмеримом рассаднике вальдшнепов, им, может быть, разрешается хотя бы на короткое время собираться в неисчислимые стаи.

Какой он толстый, плотный, чистый этот осенний вальдшнеп. Как славно он шлепается после удачного выстрела на землю с глухим и тяжким стуком. Он весит вдвое больше, чем поэтический, но тощий герой тяги, срезанный дробью над вершинами деревьев в весенний вечер. И роскошной этой птицы еще много будет высыпать на наши болота из своих богатых запасов Урал. Он же подсыплет и турухтанов, коротконосых куликов, замечательных тем, что весной они бесконечно разнообразны перестройками нагрудниками; двух не найти одинаковых, а осенью одеты все как один, разница только в величине. И чудак же этот турухтан: любит не только стоять на одной ноге — это еще куда ни шло, со многими случается, — нет, он на ней, на одной, довольно долго прыгает, пока не полетит... Однообразные чудачки эти осенью настолько же вкусны, насколько весной, расфранченные в яркие перья, почти никуда не годятся. На Урале увидеть стаю турухтанов штук в пятьсот очень просто на любом поле, подобраться же к ней, — нет-с, это совсем другое дело... По плоским пескам Клязьмы или Оки пролетные турухтаны, наоборот, разбегаются небольшими стаями, иногда доверчивыми до крайности. Одна стайка из восемнадцати этих странных существ, прилетевших неизвестно откуда, погибла вся до последнего турухтана почти у черты захолустного губернского города при

обстоятельствах, если судить строго, уголовного характера. Впрочем, единственный потерпевший от этой истории лет через сорок с лишним вспоминает о ней не иначе, как с умилением.

— Выскакивают это двое, — рассказывает теперь, даже жмуясь от удовольствия, старик-извозчик, — из переулка, бегут и прямо ко мне... «Довези — кричат — Егор, голубчик, до водокачки, не успеем добежать, беда, дупеля прилетели». «Дупеля там, говорю, или не дупеля, а вы откуда, мазурики, ружья сперли? И, смотри пожалуйста, прокурорскую собаку увели».

«Тебя, говорят, это не касается. Везешь или не везешь?» «Да деньги-то, говорю, есть ли у вас?» «Ах, ты, кричат, чорт этакий, душу у нас выматываешь... Неужели в долг довести не можешь. Видишь, мы погибаем». И смотрю, чуть не плачут. Ну, что мне с ними делать... Повез. — «Дичью, говорят, заплатим. Сейчас настреляем и заплатим». Что ж вы думаете, устроили пальбу, несут мне четырех куликов. — «Вот, говорят, тебе в подарок, а деньги за нами считай, только никому не говори, что прокурорскую собаку с нами вез». Ах, жук вас забодает... «Не надо, говорю, мне птиц ваших и деньги, пушай за вами останутся, а не миновать вам, мазурикам, острога».

Немногие уцелевшие из коренных старожилов города подтверждают, что, действительно, такой случай был. Степенная крупная кобыла неслась стремглав по улице, где обычно никто не ездил, вниз к реке, на козлах сидел и орал Егорка Бухалов, известный пьяница, песенник и вор, а в пролетке двое мальчишек с ружьями держали прокурорскую собаку. Егору Бухалову теперь 75 лет. Он продолжает ездить по губернскому городу и очень любит повторять свой рассказ о куликах, но вполне точных сведений об этой истории все-таки нет и у него. Они могут быть только тут: вот они.

Двое мальчишек, лежа на берегу реки в вечерний час осени, увидели, как в болотце опустилось 18 куликов.

— Дупеля! — определил мальчишка покороче.

— Брюха белые, — возразил другой, подлиннее, — нет, не дупеля: у тех серые.

Бесспорно, однако, решили, что куликов надо взять. Вопрос, как это сделать, также не вызвал разногласий: ружья украсть, а собаку сманить, «Нимфу» у прокурора: она ласковая и добрая. Так и поступили, но после сумасшедшей беготни в город да и по городу друзья, высунув языки, убедились, что до заката им на место не попасть. Тогда в отчаянии они наняли извозчика, не имея на то никаких средств, примчались к болотцу и в последних отблесках дня застрелили каждый по семь турухтанов. Четыре поднялись разом, из кочек, где уже наступила ночь, выравнялись в линию и потянулись на яркое зарево догорающего заката. Это их и погубило: вслед им грянул выстрел, и все четыре, перекувырнувшись, ткнулись в землю.

Темная история с признаками уголовно наказуемых проступков? По внешнему виду — да, но что-то светит из нее чем-то очаровательным через сорок лет... Впрочем, и современники отнеслись к ней мило. Мальчишек не выгнали из гимназии, что по современным правилам тогда за охоту полагалось, и даже бородастый прокурор на улице охотникам подмигивал, смеясь:

— Ну, как, Нимфа хорошо работала? Ах, вы турухтанщики-мошенники.

Настоящие кулики на пролете также бегают по пескам, но... но эти длинноносые негодяи до иступления могут человека довести: так они зорки, чутки, осторожны, предусмотрительны. Отмель они выбирают голую, такую, что даже собака по ней незаметно подползти не в состоянии. От высокого крутого берега, от кустов эта отмель так далека, что никакое ружье до нее не хватит. Плывущую по реке лодку шагов за двести приветствует звонкий серебристый крик, после чего лодка плывет уже к пустому месту.

За куликами редко даже кто охотится: слишком мала добыча за собачье ползанье по грязи, выжидание по часам, закончившееся ничем, за тысячи неудач с хитрыми птицами. Известна, однако, отчаянная голова, посвятившая несколько лет жизни исключительно куликам... Так этот куличатник, этот спец по куликам с горестным недоумением свидетельствует, что исчезает весь род длинноносых, длинноногих хитрых птиц, мало преследуемых человеком. Почти пустынные берега равнинных рек, песчаная гладь отмелей лишь кое-где испещрена крестиками куличьих следов... Серебряные трели кроншнепов сверлят воздух где-то в вышине, но эти кривоносые хитрецы, право, имеют такой вид, будто они уже никогда не садятся на землю, а вы-

стрелить по ним — это нечего и думать. Долгоносики по преимуществу, бекас и дупель, так называемая, благородная красная дичь, те начали исчезать уже с полстолетия. Корзина дупелей... Это звучит преданием старины глубокой, а между тем такие корзины были не очень уж так давно: широкие, плоские, глубиной на одну птицу. Затем полсотни долгоносики на одно ружье в день, в том числе десяток дупелей, стало считаться роскошной добычей. Теперь десятка полтора — редчайший случай. Сколько же болотных трущоб надо было излазить, сколько выстрелов сделать? Куличатник — отчаянная голова — таскал на себе суму с порохом, дробью, со всем инструментом для переснаряжения патронов. Выпалил все, выбрался на сухой берег, на широком пне насыпал, набил градом смерти блестящие медные гильзы, зарядился, значит, снова и — опять в болото. А есть, сушиться, отдыхать? Это после, ночью. Они слишком коротки, слишком драгоценны, стремительные ярко-изумрудные дни начала осени, пахнущие яблоками, дни красных гроздьев рябины, рдеющих в зелени, дни первой позолоты лип, дни пролета птиц и крика невидимых стай в вышине, прозрачные дни ласкающей теплоты солнца и неожиданно откуда-то ледяных дуновений.

Эти дни бабьего лета для охотника едва ли не чересчур сразу богаты. Если он не желает в самый интересный миг остаться безоружным, он должен иметь большой и разнообразный запас снарядов. Что шумно плещет, фыркает,

В отчаянии они наняли извозчика.

брыжжет на реке? Не лось ли туда забрался? Охотник, не поднимая головы, ползет по берегу, пробирается, чуть дыша, сквозь кусты, потерявшие уже часть листвы, осторожно вглядывается и... ругается: гагары. Десятка два черных, несуразно крупных птиц, кувыркаясь, так шумят. Увидев человека, они не летят и не ныряют совсем, а погружаются в воду так, что видна лишь узкая верхушка головы, и стремительно плывут прочь, как будто двадцать черных червяков, извиваясь, несутся по воде. Стрелять дробью тут совсем не стоит, маленькую надежду на успех может дать лишь картечь; авось, свинцовый шарик тяжело наповал стукнет как раз в быстро убегающую точку головы. Гагара питается рыбой, но пахнет не рыбой, а чем-то невыносимо противным и есть ее ни с какого голода нельзя. А чучело? Иному покажется лестно приобрести такую черную вытянутую орясину с злобным выражением приплюснутой узкой рожи.

При охоте вдвоем ранней осенью может случиться, что удастся перехитрить табун уток и даже гусей: один

охотник затаится, а другой покажется сторожевому стаю. Если расчет верен и место затаившимся выбрано правильно, то он вскакивает в диком крике птиц над головой, среди сумасшедшего хлопанья крыльев, и — горе ему, если мелка дробь в его зарядах. Крепка, сильна пролетная птица. То, что слабо, не летит, то все осталось на добычу сухопутному хищнику. А то, что в отлетающей стае, все цепко держится за жизнь, и даже тяжело подбитая птица осенью уходит далеко и прячется упорно.

Осенний тетерев-косач, как бомба вырвавшийся из куста, теряет иногда от удара мелкой дробью целый пук перьев и летит, и как ни в чем не бывало. Нет, это не летний цыпленок, кувывкавшийся от одной дробинки. А без мелкой дробы тоже нельзя. — в туманное утро, когда красное солнце без лучей выглядывает из-за края земли на седое от росы болото, должна быть наготове мельчайшая дробь, ибо может встретиться гаршнеп. Длинноносое на клячих ножках существо размерами с воробья... Самый маленький кулик, одетый совсем как большие, благородные, он носит на голове такие тонкие перышки, что немцы зовут его волосным куликом. Перед такой птицей, пернатой жемчужиной болот, предстать с зарядами крупной дробы прямо непростительно. Очаровательный куличек никогда не кричит при взлете. Его малень-

кие крылья не производят никакого звука. Он взвивается круто вверх, как большая коричневая бабочка, и виден весь, крошечный красавчик, с длинным носиком и крупными черными глазками. Если его не накрыть широким кругом мельчайшей дробы, он улетит высоко и прямо без зигзагов и вывертов: он мастер лететь, этот малыш. Он почему-то упорно сидит в наших болотах до заморозков и иногда после них. Ледяная борода повиснет на пожелтевшей осоке, а гаршнеп все тут. И он хитрый, этот крошечный куличик, он знает, что среди рыжих выгоревших кочек его, темно-рыжего, никак не разглядеть, он таится до последней крайности, вытоптать его почти нельзя, волочащейся веревки, плутишка, не боится. А высыпку может сделать такую, что остается только ахнуть: откуда их, малышей, столько набралось. Без собаки охота на гаршнепа невозможна и далеко не всякая собака для этой охоты годится. Для того, чтобы бескорыстно лазить целый день голыми лапами по полузамерзшему болоту, нужен умный друг, способный на самоотвержение... А что гонит человека в грязь, под холодный дождь, на пронизывающий ветер, чем так часто заканчивается осенняя охота? Понять это можно, а объяснить нельзя.

Лесник.

БЕСПРОВОЛОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Если в наше время говорят про беспроводный телеграф, то обыкновенно подразумевают здесь его новейшее достижение, т.е. передачу электрических волн. Однако, можно расширить понятие телеграфии, как средства передачи сообщений в отдаленные местности, без всякого посредника, будь то гонец, проволока или что-либо иное.

Так понятая телеграфия является старым изобретением.

В древние времена был распространен телеграф с огненными сигналами. Греческий трагик Эсхил, живший в пятом столетии до Р. Х., рассказывает в своем произведении «Агамемнон», как была передана весть о взятии Трои в Аргос, резиденцию Агамемнона. Рассказы от

других. Большие успехи в этой области были достигнуты в 17 и 18 столетиях.

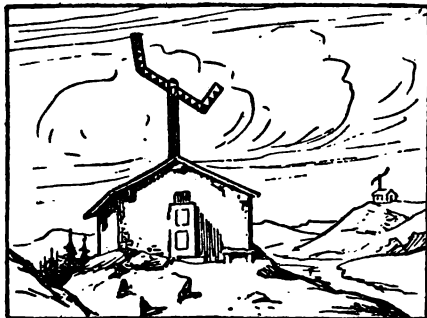
Гезы (так назывались члены нидерландского союза, восставшего против испанского ига) телеграфировали крыльями ветряных мельниц, которых в Голландии так много.

В 1791 г. французский министр Клод Шаппе построил для опытов свой первый телеграф со стрелкой. Его аппарат состоял из высокой штанги и из разделенной на три подвижных части перекладины. Эти три части, смотря по их положению, и обозначали ту или другую букву.

Первая телеграфная линия была построена из Парижа в Пиль и имела 22 промежуточных станции. За ней во

Такие башни употреблялись римлянами во время Галльской войны, передавая посредством факелов приказы и новости.

Изобретенный Клодом Шаппе стрелочный телеграф. Положение стрелок регулируется изнутри дома веревками. Ночью на концах стрелок укреплялись огни.

Немецкие войска в юго-западной Африке объясняются при помощи гелиографа, который при благоприятной погоде передает сигналы на 150 км.

Трои до Аргоса составляет по воздушной линии около 400 км. Приблизительно по этой линии на каждом островке (по возможности на возвышенности), на виду друг у друга, стояло по сторожевому посту, которые принимали и отправляли сигналы. Римляне также пользовались огненными сигналами. Во время галльской войны, они построили башни, с которых и передавали сигналы факелами.

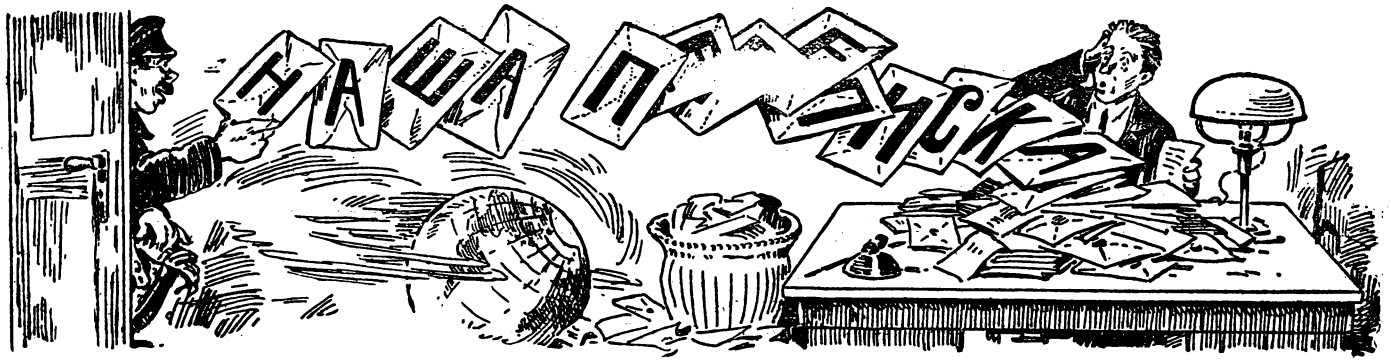
Даже до нашего времени сохранился обычай зажигать, в виде сигнала, при народных восстаниях большие огни на горах. Но огненными сигналами можно передавать только очень короткие сообщения, а потому, не удовлетворившись только этим одним способом, стали искать

Франции и других государствах начала строить и другие линии. Этим телеграфом передавалась одна буква из Тулона в Париж в 20 минут.

В наше время этот род телеграфии остался только в виде семафора, при сигнализации на железных дорогах.

Индейцы Южной Америки телеграфировали стеклянными бутылками, которыми они ловили и отправляли солнечные лучи. Их алфавит состоял из коротких и длинных вспышек света.

По такому же принципу работает и гелиограф, изобретенный в 1875 г. англичанином Генри Менцом. Он состоит из вогнутого зеркала, которое по нужному направлению отражает солнечные лучи.

Т.т.: С. Смирнову, Г. Козлову, П. Чебуркину, В. Живареву, Э. Граниу, Л. Цареградскому, Г. Ш., Д. Фридлендер-Немировой, С. Г—ву, М. Добкину, Глебу Иванову, Ил. Стамскому, Калантарову, Дан К., Н. Тартаковскому, Тижомирову. — Не подошло.

В. А. Вяземскому. — Книга «Велосипед» выйдет в октябре месяце.

А. Ковалеву. Зарегистрируйте ваше ружье в местном союзе охотников.

Н. Винокурову. Беговые коньки стоят 15 — 20 р. Продются они в спортивных магазинах: «Динамо», Союза охотников и т. д.

Ф. И. Холодному и Е. Б. Прицкер. — Можно.

И. Пичеву. Прибор для выпиливания можно купить в Акц. Об-ве наглядных пособий (Ленинград. Пр. 25 Окт., 60).

Ив. Аристову. Ленингр. техникум печати помещается в Доме Печати, Фонтанка, 21.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

УТКА И ОХОТА НА НЕЕ ¹⁾

Кто написал прелестную книжку, об утиной охоте? На обложке обозначено, что В. М. Гамалей, но вся книжка изложена, повидимому, какими-то несколькими авторами, которые все время твердят «мы» да «мы». Кто такие? Это остается неизвестным и дает всей книжке весьма нелепый тон напыщенности.

Книжка набита иностранными словами, в коих ни малейшей надобности нет. Утка — «объект охоты»? Верно, но... нельзя ли пощадить, избавить от этих иссушающих слов. Сколько уток я перебил в жизни, как много, как сильно, как незабвенно они меня волновали, милые, кургузые кряквы! Чирки, доверчивые гости придорожных луж, маленькие чирки, первая охотничья любовь... И свист, роскошно свистящая весной, и широконоска, и шилохвость, и немногие другие, — нет, это не «объекты». Охотнику — и вдруг такие слова... Обидно. Нет, я не субъект охоты, не согласен.

«Маскировать» засаду не нужно: достаточно ее закрыть. «Декорировка» же засады (стр. 21) — да простят мне «они», неведомые авторы, — совсем дрянно... Этакого и слова-то вообще не должно быть. На болоте, на пожне, где летят утки, там бывают прикрытия из веток; засады в кустах и т. п., но даже декораций там нет. Портативность (23), сфера огня (22), аксиома (25), стимул (26), индивидуумы (28), «каркас» (64) шалаша и даже «консерватизм» (74) утки. Не довольно ли? Для малого лет пятнадцати, горящего страстью с грехом пополам промыслить утенку, пожалуй, слишком даже много этих разных жупелов. Fuligulinae (69)... оказывается — это просто нырки. Бурьянистые травы также называются по латыни: Litrum virgatum. Это зачем же? И рассказ об охоте на крякву в Индии (34) ни к чему. Ну что нам Индия? «Punt-guns» (опять этикие слова!) это... это — уточницы, пушки, из которых на взморьи в Англии убивают по 127 уток на один заряд (16). Это, извините, тоже охота? Разве? И не стыдно?

Для утиной охоты книжка советует в качестве собаки... ретривера!!! (17). Если уж на то пошло, то надо объяснить, сэр, посетитель Индии, что такое ретривер.

¹⁾ В. М. Гамалей. Утка и охота на нее. Изд. Ленинградского Губ. Союза Охотников. 1927. Ц. 80 коп.

Когда высокородный лорд охотится, то пойнтер или сеттер отыскивает дичь и делает над ней стойку, трогать же или подавать убитую дичь высокопоставленная собака не имеет ни малейшего права: это — дело ее помощника, ее прислуги, это обязанность, так сказать, собачьей собаки-ретривера. Очевидно, что нам в СССР по всем условиям нашей жизни без такой породы никак обойтись невозможно. «Не мудрствуя лукаво, охотнику проще и безопаснее всего остановиться на типе судна, выработанном местной практикой» (42)? Тип судна, господи, помилуй... «Стреляя вправо, есть все шансы промазать» (42). Кто же так говорит?

То-то, граждане, по Индиям ездите, а на русском языке выражаться не умеете! Удивляться ли после этого, что до фортепьянных табуретов на челноках (43—43) дописывается! Досаднее всего, что приведенными лишь на выдержку нелепостями значительно испорчена действительно драгоценная книжка. Тот, кто ее написал, утку знает и об охоте на нее досконально рассказать имеет не только все Права, но и обязанность. И вот подите же, пыжится человек, подавай ему латинский язык, необыкновенные слова, «мы», Индию, фортепьянный стул, объект охоты. И при всем старании В. М. Гамалей не смог окончательно испортить свою восхитительную книжку, науку утиной охоты. В этой книжке есть все, что относится к утке.

И, простив напыщенность неудачных притязаний на науку ненужную «научность» (Fuligulinae!), остерегаясь нелепых советов вроде ретривера, вы прочтите ее, о, юные охотники, лишь приступающие к утке с убийственными намерениями! Прочтите ее и вы, старые собираться по страсти... давно изведавшие жизнь вообще и утиную в особенности.

Прекрасная книжка В. М. Гамалея полна драгоценных сведений для одних и дышет... уткой для других. Зимой в каменном мешке города эта книжка покажет всем алый отблеск зари над разливом озера, заглушит вой трамвая свистом утиных крыльев и каждого заставит радостно содрогнуться, когда из нее, из книжки, круговая утка во все широкое горло ляпнет:

— Кря-кря-кря!

Книжка В. М. Гамалея все это может сделать.

Лесник.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В СЕНТЯБРЕ МЕСЯЦЕ РАССЫЛАЮТСЯ ЧЕТВЕРТОЕ
И ПЯТОЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

„ВОКРУГ СВЕТА“

2 книги { **МАРКА-ТВЕНА „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА“**
(двухтомные) { **МАРКА-ТВЕНА „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКА ФИННА“**

Издательство рассчитывает к 1 Декабря с. г. выполнить полностью все взятые на себя обязательства по приложениям

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ПУТЕШЕСТВИЯ

== ДЛЯ == ЮНОШЕСТВА

АННЕНСКАЯ. Фритиоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к Север. полюсу, п. 1 р. 75 к.; **Ж. ВЕРН.** Двадцать тысяч лье под водою, п. 2 р. 75 к.; **Ж. ВЕРН.** Приключения капитана Гаттераса, п. 2 р. 30 к.; **Ж. ВЕРН.** Пятнадцатилетний капитан, п. 2 р. 25 к.; **ГАССЕРТ.** История полярных путешествий, п. 50 к.; **ГРИГОРЬЕВ.** Звук Коймен и Кок Осей и их приключения в Лапландской тундре, п. 85 к.; **ГРИН.** Вокруг центральных озер, п. 1 р. 10 к.; **ДОДЖ.** Тартарен из Тараскона, п. 65 к.; **ИСТИМИ.** Олиджеза — юношеские воспоминания индейца племени Сиу, п. 1 р. 50 к.; **КОНАН-ДОУЛЬ.** В страну чудес, п. 80 к.; **КОНАН-ДОУЛЬ.** Торговый дом Боллстон и Комп., п. 1 р.; **КУПЕР.** Зверобой, п. 90 к.; **КУПЕР.** Кожаный чулок, п. 90 к.; **КУПЕР.** Последний из Могиан, п. 90 к.; **КУПЕР.** Иерия, п. 90 к.; **КУПЕР.** Пенител моря, п. 1 р. 60 к.; **КЭРВУД.** Бродяги севера, п. 1 р.; **КЭРВУД.** Казан, п. 1 р. 25 к.; **КЭРВУД.** Мужество капитана Плюма, п. 1 р. 25 к.; **КЭРВУД.** Сын Казана, п. 1 р. 50 к.; **ЛОНДОН.** Джерри, п. 1 р. 90 к.; **ЛОНДОН.** Зов пустыни, п. 80 к.; **ЛОНДОН.** Сердца трех, п. 1 р. 85 к.; **МЕЙЕР.** Как я ловил диких зверей в джунглях, п. 1 р. 50 к.; **МИКЛУХА-МАКЛАИ.** Один среди дикарей, п. 1 р.; **НА СУШЕ И НА МОРЕ** — сборник путешествий и приключений, п. 1 р. 25 к.; **ОБРУЧЕВ.** Земля Санникова, п. 2 р.; **ОБРУЧЕВ.** Плутония, п. 3 р.; **ПИМЕНОВА.** Герои Южного полюса, п. 1 р. 50 к.; **ПИМЕНОВА.** Полярный Робинзон, п. 1 р. 30 к.; **РОНИ.** Борьба за огонь, п. 1 р. 35 к.; **СОБОЛЕВ.** По джунглям и морям, п. 60 к.; **СТИВЕНСОН.** Остров сокровища, п. 30 к.; **УЭЛЬС.** Машина времени, п. 70 к.; **ХАГГАРД.** Братья волки, п. 1 р.; **ХАГГАРД.** Доктор Терн, п. 35 к.; **ХАГГАРД.** Копи царя Соломона, п. 1 р. 50 к.; **ХАРДИНГ.** В стране огненных птиц, п. 70 к.; **ЧУКОВСКИЙ.** Танталена, п. 1 р. 40 к.; **ШТЕЙНМАН.** Ледяной период и доистор. человек, п. 50 к.

РАЗНЫЕ КНИГИ

ГОРЬКИЙ. Детство, п. 80 к.; **ГОРЬКИЙ.** В людях, п. 1 р. 20 к.; **ГОРЬКИЙ.** Избранные рассказы, п. 1 р. 50 к.; **БЕРЛИЦ.** Учебники английского, немецкого и французского изд. для взрослых и детей, п. 1 р. 30 к.

БЕРЛИЦ. Итальянский язык, п. 2 р. 75 к.; **ИГНАТЬЕВА-АЛЕКСАНДРОВА.** Практик. курс кулинарного искусства, п. 3 р. 75 к.; в пер. 4 р. 25 к.

Требуется «РУССКИЕ КНИЖНЫЕ НОВОСТИ», ежемес. сводный каталог. Вышел № 6. Ц. 20 к.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

При заказах на сумму свыше 5 рублей и оплаты полной стоимости заказа, — пересылка за счет О-ва.

Требования направлять в Акц. О-во

„МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“
МОСКВА, Кузнецкий мост, 18.

Издательство ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, 6.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Первый сборник путешествий
и приключений с иллюстрациями

1. Рассказы и очерки А. Адалис, Арк. Гайдара, В. В. ревкина, Л. Никулина и др. о советской суше и советских морях (Приключения в верховьях р. Печоры, в Афганистане в 1921 г., в Беринговом море и т. п.).

2. Краткие очерки, сгруппированные по отделам: «Необычайные победы», «Будни летающих людей», «По дальним краям», «Новости спорта», «Вокруг света», «Обо всем и отовсюду». 163 стран. Ц. 1 р. 26 к.

СБОРНИК ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНИЕ: Палей, А. Р. — Убийство инженера Днепра, фантастический роман. Лидин, Вл. — Возвращение Гелы, рассказ. Ан. Шипко — «Взрыв», роман. Вальтер Мейринг-Альберих «Бесстрашный». Северцев — «Сквозь горы», рассказ. По нашим окраинам Паустовский, К. — «Там, где нашли золотое руно» (Абхазия) Броман-Сим и Юрзень (эральские очерки) пудалов — Страна чудес (Танну-Туинская республика) В. К. Арсеньев — По Уссурийскому краю. Обо всем и отовсюду. Свен. Геддин — Как все это началось. А. Голлицер — Бенарес — Китайское Чикаго. Остров Робинзона. На автомобиле через Африку и проч. (печатается).

О ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

Веселый Альманах. В сборнике собран занимательный художественный материал русских и иностранных авторов: Леонида Андреева, Чехова, Тэффи, Волгауза, К. Эйхнер, Марка Твэна, Г. Ландау, Аркадия Аверченко, Джером К. Джером, Куприна, Зоценко, Романова, Буллера, Джекобса, Иванова, Грамен, В. Инбер и др.

12 печ. листов (печатается).

Готовятся к печати: сборник третий и четвертый.

В провинцию заказы высылаются наложенным платежом по получении 25 процентов задатка. При внесении всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет Издательства.

К БЕЛЫЕ

ПОЛОЗОЙ ВОПРОС

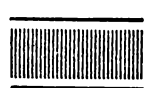
(ЛЮБОВЬ В ПРИРОДЕ)

3 больш. тома, 955 стр., изд. Госиздата. Цена 2 р. 50 к., с пер. 3 руб. Высл. деньги вперед, за пер. о. не платить (можно почтовыми марками). Заказы направлять: Москва, Никольская, 17/19, пом. 42 кн. и я склад „КНИГОСБЫТ“.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод МЕР-ТНЕРА, излагающий о необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 руб. 85 к.

Москва, улица Горького, д. 9/17, „Русско-Иностранная Книга“.

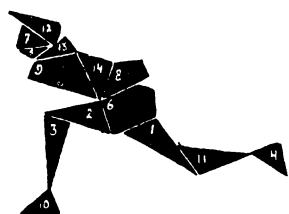

„ВОКРУГ СВЕТА“

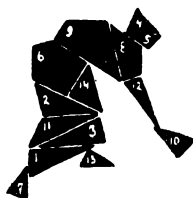

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС „СТОМАХИОН“

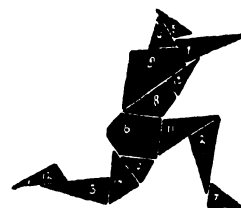
Конькобежец

Уборщица

Отрыв от старта

Стрелок

Монахиня

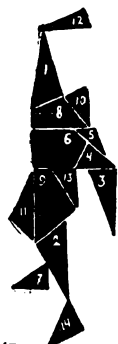
И. Н. ШАЛИН
(Архангельск)

получает второй приз по нашему
второму конкурсу:

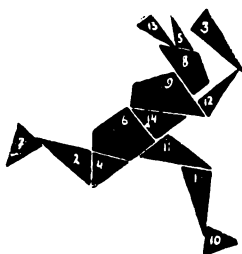
„СТОМАХИОН“

Клоун

Сигнал к
восстанию

Папуас-боец

Дудит

Шут

Редакция ждет от автора указаний на желательные премии.